

НАДЕЖДА ЧЕРПИНСКАЯ

**НЕЗАБУДКИ
ДЛЯ ЭЙЛИН**

Надежда Черпинская

Незабудки для Эйлин

<https://litres.ru/74206037>

Аннотация

Яркая, как пламя, светлая, как солнышко... Но этого мало для счастья. Эйлин с детства привыкла к недоброй славе «сидской ведьмы». Ей не светит удачное замужество. Её удел – вечное бегство от тех, кто однажды должен прийти за ней. Однако Эйлин не унывает, находит отдушину в целительстве и помощи людям, учится выживать в суровом мире, где на «иных» всегда будут смотреть косо, и тщательно хранит свои страшные секреты. Но однажды в её жизни появляется тот, кто упрямо не желает мириться с тем, что Эйлин давно поставила на себе крест...

ОДНОТОМНИК

!Без насилия, принуждения и измен между главными героями!
!!! Без использования ИИ !!!

Содержание

1 Тринадцать лет назад...	4
2 Тринадцать лет назад...	11
3 Тринадцать лет назад...	15
4 Тринадцать лет назад...	20
5 Тринадцать лет назад...	31
6 Тринадцать лет назад...	35
7 Сны на рассвете	48
8 Сны на рассвете	57
9 Сны на рассвете	66
10 Сны на рассвете	71
11 Сны на рассвете	82
12 Сны на рассвете	86
13 Сны на рассвете	98
14 Сны на рассвете	105
15 Сны на рассвете	115
16 Крылатый недруг	130
Конец ознакомительного фрагмента.	133

1 Тринадцать лет назад...

Эйлин

– Эйлин! Эйлин...

Крохотные лазурные цветки горели, словно капли росы, в густой изумрудной траве. Мерцали серебристыми звёздочками, вспыхивали и гасли – вот только что были, и уже не видно. Незабудки словно играли в прятки, озорничали, выглядывая из зарослей, и с любопытством разглядывали девочку такими же небесно-голубыми глазками, как у неё самой.

А ещё Эйлин мерещилось, что они звенят тихонько, смеются и шепчут на разные голоса:

– Эйлин! Эй-лин! Эй-л-и-и-и-н!

Она протянула ручку...

Рвать небесную красоту Эйлин не собиралась, ей хотелось лишь коснуться. Но цветочки исчезли, словно по волшебству, чтобы через мгновение снова появиться чуть дальше в зарослях высокой травы.

И снова этот тихий зов:

– Эйлин! Эйлин... Иди к нам, Эйлин! Смелее, дитя, смелее! Мы ждём, Эйлин. Мы так давно тебя ждём.

Голоса смешивались с журчанием реки, превращаясь в за-

дорную песенку. Она даже привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть, кто же прячется там, в траве, и зовёт её. Здесь, на самом берегу, зелень всегда была самой густой и сочной, пробираться через неё сложно, веточки хватают за юбку, словно цепкие пальчики. Но сейчас Эйлин заметила узкую тропинку.

Тоненькие звенящие голоса манили спуститься туда, ближе к воде. Эйлин слышала озорной смех, и ей так хотелось поглядеть, кто же там хохочет.

— Эйлин, к нам, к нам... — нежно звали травы и цветы.

А по ту сторону реки, в сумрачной тени деревьев, вспыхивали яркие волшебные огоньки.

Прежде Эйлин видела такие лишь иногда, по вечерам. Они немного походили на светлячков, только сияли золотом, а не зеленью. Но разглядеть их лучше не получалось...

Отец, увидев огоньки под сенью Зачарованного Леса, всегда загонял Эйлин в дом и запирал двери и окна.

Так уж вышло, что жили они на самом краю деревни, бок о бок с Лесом.

Отец не боялся тех, кто жил по другую сторону, но строго-настрого запрещал приближаться к реке, за которой и начиналась земля Волшебного Народа.

И сейчас, вспомнив об этом, Эйлин на мгновение остановилась и обернулась с опаской.

Отец сильно рассердится, если узнает, что она подошла так близко к лесу. А Мора непременно ему наябедничает.

Однако сестрица не обращала на неё никакого внимания. Она задремала, привалившись к ясеню, под которым сидела, и громко посапывала, смешно приоткрыв рот. Должно быть, от солнышка и жары её сморило. Вокруг неё бродили козы, невозмутимо щипали траву, а Мора спала себе сладко.

Эйлин удивилась так сильно, что даже забыла про волшебные цветочки.

Отец часто бранил Мору за лень... Она, и правда, всё делала с неохотой, но такого себе прежде не позволяла. Сёстры нередко ходили сюда, к реке – здесь козочкам нравилось больше всего.

И Эйлин тоже.

Раньше Мора всегда в оба глаза смотрела за «рогатенькими», да и за младшей сестрицей. Каждый раз, когда, заигравшись, Эйлин подбегала слишком близко к реке, Авонмора сурово её окликала и грозила пожаловаться Джерарду.

По имени Мора называла отца, только когда он не слышал. Эйлин это отчего-то не нравилось, но она сестру не выдавала. А вот та всегда ябедничала по любому поводу.

Эйлин отцовского гнева совсем не боялась – это Мору он всегда бранил, а младшей дочурке прощал любые шалости. Но огорчать его Эйлин не любила, а потому всегда старалась слушаться, и помогать ему, да и Море тоже, по хозяйству. Сестра ведь в доме за главную, трудно ей одной за всем уследить. Конечно, пока ручки у Эйлин совсем маленькие и слабые, но что-то уже получалось.

А ещё Эйлин всегда бежала встречать отца первой, когда он возвращался с охоты. Тот всякий раз этого ждал и был рад видеть, как дочка неслась навстречу. И каким бы уставшим он ни был, отец всегда подхватывал её на руки и улыбался.

Эйлин знала, что для него в целом мире нет никого дороже.

И сейчас её остановил не страх...

Глядя на спящую Мору, она представила, как сестрица придёт домой одна, и расскажет отцу, что Эйлин ушла в Лес, и тому станет грустно, ведь больше никто не будет встречать его у ворот.

Эйлин уже хотела пойти обратно, разбудить Мору или просто лечь с ней рядом в траву и ждать, когда та проснётся.

Но тут от реки снова долетел нежный шепот:

– Эйлин! Эйлин, где же ты, дитя? Не бойся, иди к нам!

Она сделала лишь пару шажков и увидела, что у самой кромки воды растёт целое лазурное облако волшебных цветочков...

«Только посмотрю, и сразу обратно!» – пообещала Эйлин самой себе и легко сбежала вниз по пологому берегу.

Здесь, в низине, берега в цветах просто утопали, словно небо упало на землю, и затопило всё своей лазурью. Цветы отражались в реке и, казалось, что они растут прямо на дне.

Эйлин застыла, приоткрыв ротик, с восхищением разглядывая эту сказочную красоту.

Из голубой пены незабудок по другую сторону речушки вдруг взмыли вверх золотистые огоньки. Они, играясь, носились в воздухе, словно лёгкие мотыльки, оставляя за собой сверкающий след.

Эйлин с удивлением увидела, что там под сводами Зачарованного Леса таких живых огоньков много. Весь лес мерцал, сверкал, звенел на разные голоса:

– Эйлин! Эйлин! Эйлин!

Ей мерещилось, что из зарослей папоротника и ольхи выглядывают чудные звери, едва различимые среди листвы и веток, улыбаются ей приветливо.

Она уже забыла обо всех запретах отца – так манил этот сказочный лес по ту сторону.

Эйлин без всякого страха и сомнения шагнула вперёд, но отпрянула, когда холодная волна жадно лизнула её босую ножку. Она растерянно смотрела на ленивые воды реки...

Как же перебраться на ту сторону?

Внезапно стало страшно – вдруг там... глубоко... Или в реке кто-нибудь живет.

Их соседка, бабушка Шелта, знала множество историй про злых водяных фейри и не раз пугала ими деревенских детей. Сейчас эти сказки вспомнились так не к месту, что Эйлин уже готова была развернуться и броситься со всех ног обратно к сестре.

Но крохотные звёздочки, сиявшие в лесу, устремились к ней. Они скользили над самой рекой, почти касаясь прозрач-

ных вод. И Эйлин не поверила своим глазам – внезапно тёмные волны Даглы расступились, открывая влажное каменистое дно, словно приглашая Эйлин дальше.

Когда сама река останавливает свой бег ради тебя, непочтительно отказываясь, но Эйлин всё ещё медлила, удивлённая этим чудом.

А потом она подняла глаза выше и увидела на том берегу невероятно красивую женщину.

Её зелёное платье сверкало, словно роса на траве ранним утром, длинные огненно-рыжие локоны струились по плечам почти до земли. Женщина стояла на том берегу, протягивала к Эйлин нежные руки и улыбалась. Прекрасное лицо её светилось добротой.

– Эйлин... – мягко шепнула волшебная красавица. – Смелее, девочка моя! Я так ждала тебя!

Громкий всхлип разнёсся в тишине леса. Дивная сказка с медными косами внезапно стала тускнеть и расплываться, и Эйлин не сразу поняла, что это просто слёзы мешают ей смотреть.

– Ну же... Эйлин... – снова позвал нежный тихий голос. – Неужели ты не узнаешь меня?

Эйлин решительно провела кулачком по глазам, стирая непрошенные солёные капельки, ещё раз поглядела на лесную красавицу и уже без всяких сомнений бросилась по влажному речному дну на ту сторону, под сень Зачарованного Леса.

Ласковые тёплые руки прижали её у груди.

И Эйлин, ещё раз всхлипнув для порядка, с улыбкой прошептала:

– Мама...

2 Тринадцать лет назад...

Джерард

– Солнце садится... Джерард, слышишь! Пора возвращаться...

Он развернулся так резко, что Грейди едва успел притормозить и не врезаться носом в широкую грудь охотника. Наверное, взгляд Джерарда был слишком красноречив, потому что старейшина неловко попятился, поглядывая с опаской.

Старейшина хоть и старейшина, но на голову ниже, и в плечах в два раза уже. Перед Джерардом он всегда немного робел, как и многие другие, хоть и старался этого не показывать.

– Что ты сказал? Возвращаться? – не поверил он своим ушам.

– Джерри, ты же понимаешь, никто не осмелится бродить по Лесу после заката... – Грейди говорил убедительно и твёрдо, но Джерард, словно пёс, чуял, как от того за милю несёт страхом. – Мы и так из-за тебя сегодня рискнули, перешли границу, явились сюда без приглашения. Это ещё всем нам аукнется... Пойми, всем жаль твою дочь, но у нас тоже есть дети... Никто не хочет оставить свою семью без кормильца. Надо вернуться – подкрепиться, выспаться, набраться сил. Завтра с рассветом продолжим искать! Обещаю.

– Да чтоб тебя! – в сердцах сплюнул Джерард. – Моя дочь

там, там, у этих проклятых тварей из Леса! А ты хочешь, чтобы я пошёл домой, набил брюхо и спокойно завалился спать?! Ты в своём уме, Грейди? Ты бы спал спокойно, если бы не мою девочку, а твоего Иена увели сиды? Моя Эйлин здесь! И я никуда не уйду, пока не найду мою дочь!

– Джерард, – вздохнул старейшина, – не надо так... Мы не виноваты в том, что случилось с твоей Эйлин. Сам недо-смотрел. Ты же видишь – темнеет, даже ещё погода портится. Ночью мы никого не найдём, только головы тут сложим. Ко-му от этого легче будет? Всем нужно отдохнуть, иначе завтра мы просто не сможем вновь выйти на поиски. И тебе тоже, Джер!

– А если завтра уже некого будет искать? – он и не думал успокаиваться – гнев жёг душу, но ещё страшнее убивало собственное бессилие. – Сам говоришь, ночь впереди, нена-стье грядёт... А я брошу свою дочь одну, в лесу? Нет уж! Она всё, что есть у меня! Всё! Мне некуда возвращаться! Зачем? Зачем жить, если я не верну Эйлин...

– Ну... что ты такое говоришь? – вздохнул устало Грей-ди. – Всегда есть ради чего жить. И старшей дочери ты сей-час тоже нужен, нужен ничуть не меньше! Погляди, на Море лица нет. Кто позаботится о ней, если ты сгинешь в Лесу? – старейшина кивнул в сторону Авонморя, столбом застыв-шей неподалёку.

Она напряжённо прислушивалась к разговору мужчин. Мора была единственной девицей среди отправившихся на

поиски. Никто из женщин общины не отважился бы пойти в Зачарованный Лес.

И Мора тоже никогда бы не пошла добровольно. Она всегда была трусихой.

Но сейчас её безжалостно гнали вперёд вина и страх.

Джерард знал, о чём она думала, когда увязалась следом за ними.

Невыносимо оставаться в полном неведении... Отсиживаться в деревне, когда всё случилось как раз из-за неё. Смотреть в лица соседок и видеть в них немой укор. Знать, что мужчины рискуют жизнью из-за того, что она всех подвела. Остаться там было ещё страшнее, чем идти в лес.

Мора виновато отвела глаза, столкнувшись взглядом с Джерардом, но ни капли жалости не проснулось в его душе.

Сейчас он ненавидел эту девчонку всей душой и безжалостно бросил достаточно громко, чтобы она услышала:

– У меня есть только одна дочь – Эйлин! Надеюсь, что *ещё есть*... И если бы не эта сонная курица, моя единственная дочь сейчас была бы со мной!

Мора дёрнулась резко, её широкое, веснушчатое лицо некрасиво перекосило, тонкие бледные губы задрожали.

Джерард видел, как потоком брызнули слёзы из глаз девчонки. В этот самый миг, несмотря на всю ярость и злость, он пожалел о сказанном в сердцах. Даже его чёрствая душа сжалась на мгновение от горечи и жалости.

Авонмора всхлипнула, развернулась и бросилась, захлё-

бываясь в слезах, по тропе обратно к деревне.

– Мора! – крикнул Джерард вдогонку. И добавил совсем тихо: – Прости...

– Ох, и дурак же ты, ох, и дурак! – покачал головой Грейди. – Делай, что хочешь, если жить надоело! Мы возвращаемся. Эй, слушайте все – по домам! – закричал старейшина так, что эхо зазвенело по лесу. – Завтра продолжим...

Джерард смотрел, как они уходят...

Торопливо шагают друг за другом по узкой тропе, которую сами и проложили в буйных порослях Леса. Только ветки качались там, где ещё мгновение назад бродили люди.

Он остался совсем один.

Тишина обступила со всех сторон – настороженная, внимательная, живая. Джерарду чудилось, что за ним сейчас пристально наблюдают со всех сторон. Из каждого куста, дупла, из-за пня или ствола. И взгляды эти не сулили ничего доброго. Этот Лес – не место для человека.

Но ведь Джерарду уже случалось бывать здесь, под зачарованной сенью вековых деревьев...

– Ну и ладно! Сам справлюсь! – бросил он вслух, зло и решительно, и торопливо двинулся дальше в самую чащу.

3 Тринадцать лет назад...

Мора

Уже в который раз за вечер Авонмора дошла до ворот, замерла надолго, тщетно вглядываясь в сумрак. Пальцы до боли впились в шершавые жерди забора, сырые от тумана, ползущего с реки.

Ветер крепчал, гнал по небу тяжёлые, мрачные тучи. Ранний мрак опустился на деревню.

Где-то далеко над лесом полыхнула льдистым серебром кривая молния, и Мора вздрогнула невольно. А чуть дальше, у горизонта, в разрывах облачной мглы догорали алые, как угли, краски заката. И эти кровавые отсветы тоже пугали до дрожи.

– Так и нет никого? – проскрипел откуда-то из темноты хриплый голос бабушки Шелты.

Мора обернулась, разглядела в темноте сгорбленную фигуру соседки, закутанную в старую шаль из козьего пуха. Сколько Мора себя помнила, старушка с этим затёртым до дыр широким платком не расставалась.

– Нет, бабушка! – отозвалась она.

Соседка подошла ближе, привалилась к забору, только по другую сторону от Мора.

– Поздно уже... – старушка тяжело вздохнула. – Негоже тут одной стоять. Ступай в дом, жди там! Да ставни прикрой

получше! Быть сегодня ненастью... Ишь, как над Лесом крутит!

– Бабушка, неужто... – Мора всхлипнула и умолкла, так и не осмелившись договорить.

– Глупости! И думать так не смей! – шикнула на неё старая Шелта. – Это просто гроза... Ничего это не значит... Вернётся ваш отец. Не посмеют *Они* его тронуть!

– А Эйлин? – тихо шепнула Авонмора.

Даже в сумерках она видела, как кривовато ухмыльнулась соседка.

– Эйлин... Уж сестрице твоей в Лесу и вовсе нечего бояться! За ней и ходить не стоило...

– Что ты такое говоришь, бабушка! – испуганно ахнула Мора.

– Говорю то, что ты лишь думать смеешь, – усмехнулась старая карга.

– Неправда, – щеки вспыхнули мгновенно, Мора опустила взгляд, но упрямо повторила, – это неправда.

Первые крупные капли зашуршали по крыше, ледяными горошинами скатились по лицу.

– Ступай домой! – снова повторила старая Шелта. – Стоя здесь, ты им всё равно ничем не поможешь.

Мора вздохнула тяжело, и побрела к дому. Права ведь мудрая соседка...

Сколько ни стой на улице, сколько ни вглядывайся в темноту, сколько ни шепчи молитвы, ничего не изменится –

Джерард не вернётся, пока не найдёт свою любимицу.

Ох, уж эта Эйлин – маленькая вредина! Не ребёнок, а настоящий рыжий пикси[1]! Вечно она делает, что хочет, никого не слушается, проказничает, и всё ей сходит с рук. Что-бы она ни натворила, ругают всегда Мору, как старшую. Будто за непоседой Эйлин можно усмотреть!

Мора так на неё злилась, что кулаки сжимались сами собой – прибила бы бесстыжую!

Но тотчас в груди съёживалось всё от страха и тревоги. А вдруг... отец не найдёт сестрицу? Как тогда жить дальше? Как смотреть в глаза Джерарду? Как жить, зная, что из-за неё сгинула проказница Эйлин?

Чтобы там ни говорила старая Шелта, Мора никогда не желала сестрице зла, хоть порой и темнело на сердце от ревности и зависти.

Когда Авонмора лишилась матери, она была немногим старше, чем Эйлин сейчас. И помнила она её смутно – она не видела особой ласки от Дервлы. Уже тогда чаще за ней приглядывал отец.

Да, Джерард... он был хорошим отцом. Всегда заботился о том, чтобы Мора была сыта, здорова, опрятно и чисто одета, чтобы в доме было тепло. Отправляясь в город, привозил лакомства и гостинцы – говорил, хитро улыбаясь, что встретил по дороге зайчика, и тот велел передать Море подарочек. Джерард никогда не поднимал на дочь руку, как некоторые мужики в деревне.

И то, что он сегодня сказал в сердцах... Это было впервые. Никогда прежде отец не позволял себе таких обидных упрёков, не укорял так открыто и жестоко!

Конечно, он был строг, мог отругать так, что хотелось провалиться сквозь землю, а уж добрых, ласковых слов от него дожидаться было невозможно.

Но Мора и не ждала. Всегда думала, что так и должно быть, что Джерард другим быть просто не умеет. От своих подруг слышала, как их порой дома наказывали и даже больно секли, и считала, что ей с отцом ещё повезло. Она в этом не сомневалась.

Пока не появилась в их доме Лиа...

Мора зачарованно смотрела на красавицу с огненными локонами, с глазами чистыми и светлыми, как родниковая вода. Наверное, она должна была возненавидеть новую жену отца...

Но как можно было ненавидеть такую красоту?

Лиа была так добра к ней, так нежна и ласкова. Она пела колыбельные звенящим серебряным голосом, рассказывала волшебные сказки и... почему-то часто грустила.

А вот Джерард рядом с ней больше не грустил, не был суров и строг.

Мора с удивлением узнала, что её отец умеет улыбаться, и смеяться, и говорить красивые слова. Этот суровый, могучий мужчина, который играючи обращался с оружием, которого побаивались многие в деревне, оказывается, умел быть

ласковым и добрым.

А когда родилась Эйлин, Мора поняла ещё одну простую и страшную истину – отец её никогда не любил. Джерард никогда не любил свою старшую дочь – растил, заботился, кормил, защищал, не давал никому в обиду...

Но что такое отцовская любовь, Мора впервые увидела только со стороны – глядя на то, как Джерард нянчится с маленькой Эйлин.

Тогда она ещё не понимала, отчего жизнь так несправедливо с ней обошлась. Почему она была лишена сначала матери, а потом и любви отца?

Отгадку на мучивший её вопрос Мора нашла чуть позже, Эйлин тогда уже было около года...

[1] Проказливые, а зачастую и зловредные волшебные существа крохотного роста

4 Тринадцать лет назад...

Джерард

С женщинами Джерарду всегда не везло.

Не то, что бы он им не нравился. Джерри не был неказист или чем-то плох. Не имел какого-то физического изъяна, не был пьяницей, да и нрав имел вполне спокойный, не любил без повода кулаками махать и скандалить.

И в юные годы многие девчата на него посматривали с интересом. Да, было дело.

А вот теперь обходили стороной. Прилипла дурная слава. В Нокдагли Джерри считали чуть ли не проклятым. И неудивительно...

Джерард и сам уже иногда в это почти верил. Сперва лишился одной жены, потом второй, а теперь вот ещё и дочери... Вернее, дочерей.

Да, младшую потерял, а старшую сам оттолкнул.

Всё сильнее совесть жгла душу, стыдно было за то, что сказал напоследок Море. Джерри дал себе зарок, что если повезёт ему вернуться обратно в Нокдагли, если выберется живым из проклятого сидского леса, непременно попросит у Авонморя прощения.

Нельзя было так с ней! Она ведь не выбирала себе родителей.

Мора не виновата, что мать её – потаскуха, а отец... под-

лец, у которого ни совести, ни сердца.

Он всегда старался относиться к ней, словно к родной, пусть вся деревня и судачила о том, чья она на самом деле. Слишком очевидным было сходство девочки с её настоящим отцом.

В Нокдагли многие друг другу кровными родственниками приходились, и то, что дети из разных семей порой похожи как братья и сёстры, никого не удивляло. Только вот кузнец Коналл был пришлым. И Мора на него походить никак не могла. Но на это Джерард мог бы закрыть глаза.

Да, наверное, он мог бы принять чужое дитя... И так ведь принял, и растил, и не попрекал. Никогда прежде, до дня сегодняшнего.

Дело было не в девочке, а в той лжи, которой оплела его Дервла, в том, что врала ему в глаза и до замужества, и после. Ведь он поверил, что это его дочь, женился...

А она продолжала врать, и шастать к Коналлу в кузню, пока Джерарда не было дома.

Красоткой Дервла никогда не была, но что-то в ней такое сидело, что заставляло парней оглядываться ей вслед. И Джерри не избежал этой участи. Так и тянуло его к этой взбалмошной девчонке, а она всё насмешничала, цепляла острым язычком, особенно, при своих подружках.

Он порой злился на её своенравие и издевки, но остывал быстро. У Джерарда на эту девчонку были серьёзные планы. Отец одобрил выбор, а вот мать вздыхала тяжко – искал

бы другую, уж больно она ветреная да злая.

Да, Дервла порой действительно шутила жестоко, и уни- зить могла, и уколоть больно, словно на прочность испыты- вала. В какой-то миг, Джерард даже успел отчаяться, решил, что ничего ему с этой девицей не светит – видно, не хочет она в его сторону с любовью глядеть.

А ведь порой бросала такие знойные, дразнящие взгляды, что он потом подолгу не мог уснуть, вспоминая. И вот, когда уже почти махнул рукой, всё и случилось...

Встретились они случайно на берегу, на том самом изгибе Даглы, где река брала сильно в сторону от Леса – туда дере- венские ходить не боялись. Джерард нередко удил там рыбу.

Вот и в тот день пошёл ловить карасей, а выловил жену.

Она сидела на берегу и плакала. Влажные волосы рассу- пались по плечам, мокрая сорочка задралась, обнажив длин- ные худые ноги. Вроде, что такого... Но как же она тогда бы- ла хороша!

Джерри случайно вылетел из кустов прямо на неё и замер, не в силах отвести взгляд от полуголой девицы. Потом заме- тил её слёзы, и сердце сжалось.

– Ты что здесь? Тебя обидел кто-то?

Дервла покачала головой, стирая сверкающие капельки с лица, уставилась прямо в глаза, не мигая. И он смотрел на неё как зачарованный, не понимая, что значит этот взгляд. Никогда прежде она так не смотрела.

А потом она потянулась к нему и поцеловала...

Сама. Первая.

Обвила шею руками, приникла. А он, дурак, и рад был целовать в ответ. Счастьем своему не верил! Её жадные губы разжигали ответный огонь в его теле.

Джерард и сам не заметил, как дело зашло дальше невинных ласк, как опрокинул её в траву... Нет, если бы Деввла того не хотела, если бы хоть слово сказала против, он бы никогда не посмел... Но кто же добровольно откажется от девушки, в которую влюблён?

И он не устоял.

Невинной она не была, но это его тогда особо не смутило. Лишь бы теперь его любила и верна была.

А вскоре она пришла к нему с покрасневшими от слёз глазами и сообщила, что в тяжести. Джерард немного растерялся, потом почесал голову и предложил поскорее жениться, пока это дело ещё незаметно. Он ведь и так надеялся, что она теперь согласится пойти за него, потому был только рад, что всё случится вот так быстро.

И уже на свадьбе, её же собственный отец, изрядно подпив, хлопнул Джерарда по плечу, обнял и, утерев пьяные слёзы, выдал:

– Ох, слава богам, что хоть ты нашу беспутную взял! А то ведь этот кобель, что её обрюхатил, отмахнулся, и всё... Дескать, я тебя на сеновал не тащил, сама виновата! Оно и верно, сама... Но ведь всё-таки дочка, жалко мне её! Хоть она и дрянь... Чего глазами хлопаешь? Или она тебе не ска-

зала, что ещё с Белтайна на сносях?

Джерри скрипнул зубами – не к месту вспомнил он сейчас первую жену, не к месту. Ярость и так кипит в крови, а гнев плохой попутчик, когда надо быть осторожным и чутким.

А здесь, в Зачарованном Лесу, всегда нужно быть начеку, особенно, после заката. Впрочем, после заката здесь лучше вообще не быть.

А с другой стороны эти мысли – о прошлом, о женщинах, о собственной судьбе – отвлекали хоть немного от того, о чём думать было действительно страшно. Что, если он не найдёт...

Нет! Даже от одной мысли, недодуманной до конца, хотелось взвыть на весь Лес.

Они не посмеют! Он не отдаст *им* Эйлин. Хватит и того, что у него отняли Лиа. Он пришёл за своим ребёнком. И не уйдёт, пока не найдёт свою девочку.

Гроыхнуло прямо над головой. Джерард невольно пригнулся – почудилось, само небо раскололось. Миг назад его до боли в глазах ослепила льдисто-белая молния. А следом возмущенный рокот грома обрушился на охотника, посмевавшего в такое время бродить во владениях фейри.

Угрожающее рычание ненастья дрожью отдавалось в земле. Вековые деревья скрипели в порывах буйного ветра, стояли и кряхтели, как дряхлые старцы. Лес раскачивался, сте-

нал, ярился, тянулся к незваному гостю.

А ведь обычно здесь царила странная тишина. Порой казалось, что Лес мёртв. Ни свиста птиц, ни шороха зверя, ни шелеста листвы. Словно эти деревья, подпиравшие небо-склон, всего лишь сон, морок.

Но так виделось только со стороны Нокдагли. Джерард точно знал, что в Лесу хватает разного чудного зверья, и в переплетённых навечно кронах звенят дивные птицы, которых никогда не видели по другую сторону Черты.

Этот Лес полон жизни и звуков, и таинственных жутких шепотков, и прожигающе-ледяных взглядов в спину... Но, чтобы это узнать, нужно оказаться здесь, под его кровом, нужно перейти Черту дозволенного. А на это в Нокдагли никто не решался в здравом рассудке.

Лишь когда выбора не оставалось...

Как сегодня.

Да и сегодня... разве эти трусы бросили вызов сидам? Ничего подобного! Прошлись по самой кромке Леса, делая вид, что ищут Эйлин, а сами только и думали, как бы сбежать побыстрее домой, спрятаться под крышей да запереть двери на надёжные железные засовы.

Они боялись Леса, они не посмели бы нарушить негласный договор.

А Джерарду терять нечего. Он всё уже и так потерял.

Крупные капли дождя шумно застучали по листьям. Джерри скривился от бьющего в лицо сырого ветра и хлёт-

кого дождя, набиравшего силу с каждым мгновением.

Нет, отступить он не собирался.

Ещё одна белёсая вспышка в небе... Дрожащие мимолётные тени пронеслись по лесу, будто Дикая Охота, и снова давящий сумрак обступил его со всех сторон.

Но одна из теней не растаяла, когда угас отблеск молнии...

Джерард замер на месте. Заледеневшие от дождя пальцы крепче обхватили рукоятку топора.

Высокий тёмный силуэт в накидке, скрывавшей и фигуру, и лицо, тоже не двигался.

Джерри молча всматривался в беспросветную тьму под капюшоном, но ничего различить не мог. Однако уже то, что тень была на голову выше самого охотника, не очень-то ободряло.

– Как ты посмел сюда явиться, человек? – наконец раскатилось по Лесу, холодно и зло. И даже гроза чуть притихла, испуганная этим леденящим кровь голосом. – По какому праву ты перешёл Черту?

Джерард сглотнул комок в горле, поборол неуместную дрожь – это просто дождь и ветер, вот он и трясётся, это вовсе не страх. Страх эта тварь учуять не должна.

– Право... – хмыкнул Джерри столь же нелюбезно, скривился в ухмылке. – О, да, у меня точно есть на это право! Я пришёл забрать своё. Отдайте мою дочь! Вы украли мою девочку, украли мою Эйлин!

– Украли? – передразнила его тварь из Леса и расхохоталась издевательски. – От кого я это слышу? Тебе ли говорить о краже, охотник? Единственный вор здесь... это ты сам! Джерард из Нокдагли – мерзкий лжец и подлый вор!

Джерард вскинул голову, скрипнул зубами – ему так хотелось ответить дерзко на брошенное в лицо обвинение, но язык словно отсох, а нужных слов так и не нашлось.

– Сиды ничего не крадут, сиды лишь возвращают то, что смертные отбирают у нашего народа обманом, – продолжил уже намного тише и спокойнее мрачный фейри в тёмном плаще. – Как ты говоришь? «Забрать своё»? Считай, что мы забрали своё!

– Она моя дочь! – последняя дерзость растаяла в голосе Джерарда, остались лишь мольба и отчаяние.

– Не только твоя... – показалось, что жуткая тёмная тень вздохнула устало. – Тебе даровали пять лет на то, чтобы любоваться светом Эйлин. Но ты не ведаешь благодарности и меры. Теперь пришло её время. Дитя услышало зов крови и вернулось туда, где ей самое место. Ты же сам понимаешь, что твоя дочь никогда не найдёт счастья среди смертных. Отпусти её!

– Нет... – упрямо покачал головой Джерард и всё-таки сорвался на крик, – нет, нет, и нет! Пусть она сама мне скажет это, скажет, что хочет остаться здесь!

– Нет, не бывает этому, – отрезал сид. – Хочешь разбить ей сердце? Подумай, скольких слёз будет стоить этот выбор

твоей дочери! Она здесь счастлива и беспечна. И если ты желаешь ей добра, оставь её в покое и возвращайся обратно к смертным, пока ты ещё можешь это сделать! Дважды предлагать не буду.

– Я никуда не уйду без моей девочки! – взвился Джерард, жгучая ярость, тлевшая внутри, опалила душу и разум. – Не уйду! Эйлин! Эйлин!

Крики захлебнулись в рёве ветра и обезумевшей в один миг бури.

– Она тебя не слышит... – бросил холодно сид. – Уходи!

– Нет! Отдайте мне дочь! – ещё громче закричал Джерри. – Лиа! Лиа! Где ты? Покажись! Посмотри мне в глаза! Не прячься за чужую спину! Лиа! Отдай мне дочь!

– Она не желает тебя видеть, – ледяной голос фейри принёс с собой стылый холод зимы и горечь вечной разлуки. – Никогда больше. Уходи, покуда жив, и будь благодарен хотя бы за это! Если бы не милосердие Лиадэйн, ты уже давно был бы мёртв.

Сид развернулся и шагнул во мрак, исчез мгновенно, став частью лесных зарослей и грозовой ночи.

– Нет! Нет! Нет!

Кажется, и Джерард обезумел, как эта ненастная ночь – потрясая топором, он решительно бросился следом, безжалостно проламываясь сквозь подлесок, ломая и круша всё на своём пути.

Он сражался с Лесом, словно с полчищем врагов. Из сруб-

ленных ветвей брызгал не сок, а кровь – в бледных вспышках молний Джерри различал пурпурные капли на своих руках. Деревья охали и стонали, когда безжалостное лезвие сдира-
ло кору с вековых стволов.

Тёмная тень внезапно снова преградила путь охотника, и он бросился вперёд с гневным рыком, вскинув над головой смертоносный топор.

О, как же он сейчас жаждал вонзить это острое лезвие в надменное лицо сиды! Пусть Джерри и не видел этого лица, но знал наверняка, что тот смотрит с презрением. И смыть эту спесивую гордыню можно лишь кровью...

Джерард не успел нанести удар. Внезапно его руки и ноги оказались связаны путами, он затрепыхался, как рыба в се-
ти, рыча от злости и бессилия. Ветви и травы Зачарованно-
го Леса оплели его тело, заключив в ловушку, и сколько не
рвался охотник, держали крепко.

А ещё тянули в разные стороны...

Джерри взвыл мучительно, теперь уже от боли – ещё
несколько мгновений, и эти сучья просто разорвут его на ча-
сти, пронзят насквозь, прорастут сквозь плоть и рёбра.

– Смерти ищешь, человек? – усмехнулся безжалостно сид.
– Что ж, ты её нашёл...

Джерард уже ничего не мог ответить, лишь заорал ещё
громче от невыносимой боли.

Вот и всё! И дочь не спас, и сам навсегда останется под

сводами Зачарованного Леса, и даже похоронить его будет некому. Джерард зажмурился – не хотелось в последний миг своей жизни видеть перед собой ненавистного сида.

Но уже через мгновение он снова распахнул глаза, когда совсем рядом отчаянно прозвенел такой родной голос:

– Нет, Рей, не надо! Отпусти его!

5 Тринадцать лет назад...

Джерард

– Лиа!

На несколько коротких мгновений Джерард забыл про собственную боль, и про ненависть, и про то, что он сейчас на волосок от смерти. Он больше не замечал проклятого фейри. И, стыдно сказать, даже страх за Эйлин на миг покинул сердце охотника...

Один взгляд *на неё*, и она заполнила собой весь мир, и в душе не осталось места для чего-то ещё.

Она сияла в сумраке ненастной ночи белизной кожи, яркой медью шёлковых локонов, золотой вышивкой на дивном сидском платье, каких никогда не знали и не носили женщины Нокдагли.

И даже яростно бьющие с небес струи дождя не смели коснуться её волос, одежды и дивного тела. Она казалась летним закатным солнцем рядом с жуткой тёмной фигурой злобно-го сида.

Незабытый за три года огонь былой страсти взвился со дна души, опалил изнутри так, что дыхание перехватило.

– Лиа! – не веря своим глазам, вновь прошептал Джерард.

Он дёрнулся вперёд, потянулся к ней... И вдруг ощутил, что уже свободен, цепкие колючие ветви больше не терзали его тело.

Подчиняясь порыву души, Джерри протянул к ней руку, но Лиа отпрянула резко, отступила на шаг, наполовину скрывшись за плечом сиды, дёрнула головой и жёстко бросила:

– Нет, не смей! Не подходи! Не смей!

– Лиа... – с горечью прошептал он уже третий раз.

– Уходи! – она не поднимала глаз, но голос звучал твёрдо, и холодно – резал сердце и душу осколками льда. И уже мягче, с мольбой, обращаясь к своему жуткому спутнику: – Отпусти его, Рей! Пусть уходит...

– Нельзя! – встрепелась страшная чёрная тень. – Ты же помнишь, что напороочила Матушка Ива... Лиа, опомнись! Из-за него нас всех ждёт гибель! Если ты и готова своей жизнью за его жизнь заплатить, то я такого не допущу! Он чужак, он должен умереть!

– И что ты сделаешь? – горделиво вскинула подбородок Лиа – она всегда была упряма. – Убьёшь его? Да? А Эйлин? Что ты скажешь ей потом? Сможешь сказать ей, глядя в глаза, что её отец пришёл за ней, а ты расправился с ним?

Джерард смотрел и слушал молча, словно не его судьба сейчас решалась. Он всё ещё не мог поверить, что снова видит свою потерянную жену. И всё это казалось ему каким-то странным сном, наваждением. Он по-прежнему не видел лица сиды, но отметил, что сейчас тот понуро опустил голову – видно, слова Лиа его задела за живое.

– Отпусти! – снова тихо повторила златовласая красавица.

– Как знать, может, и пророчество обмануть можно...

Сид тяжело вздохнул.

– Я пожалею об этом...

И всё-таки махнул рукой повелительно.

– Убирайся!

Вот теперь Джерард понял наконец, что происходит. И его прошиб холодный пот, хотя под неистовым ледяным дождём он и так уже продрог порядком.

Значит, он должен сейчас уйти... Ещё и спасибо сказать, что его пожалели, а как же...

– Эйлин! Я не уйду без Эйлин! – выкрикнул он, вместо того чтобы скорее уносить ноги.

Дождь заливал глаза, Джерри, щурясь, тряхнул головой, решительно шагнул ближе, чтобы видеть всё-таки её глаза.

– Лиа! Пожалуйста! Вернись! Пойдём со мной, с Эйлин! Всё будет как раньше... Ведь было же у нас счастье... Я ни словом не упрекну! Я так тоскую по тебе...

– Счастье... – губы её дрогнули, и одинокая слеза скатилась по щеке. – Ты так ничего и не понял! Нет, пути назад, Джерри! Нет... Уходи! Рей позволит тебе вернуться домой.

– Я не уйду один!

Она судорожно вздохнула и отвернулась, Джерард видел теперь лишь стекавшее по спине пламя её волос, а сама Лиа всматривалась в беспросветную тьму капюшона.

– Отпусти его, – уже в который раз повторила она, но теперь добавила и ещё кое-что, тихо, едва различимо, – отпу-

сти их! *Обоих!*

– Лиа! – возмущённо воскликнул сид.

– Эйлин любит его, а он любит её. Нельзя их разлучать...

– А как же ты? – впервые в голосе сида Джерард не слышал злобы и холода, лишь горечь и сочувствие.

– Я выбрала. Сделай, как я прошу!

Лиадэйн оглянулась, окинула Джерарда долгим взглядом.

– Прощай, Джерри! Рей сейчас приведёт Эйлин. Береги её! А меня искать не смей! Придёшь в наш Лес ещё раз, здесь и останешься...

Хлёсткий порыв ветра заставил Джерарда зажмуриться, а когда он открыл глаза, рядом уже никого не было.

6 Тринадцать лет назад...

Мора

Уснуть в ту ночь, Авонмора так и не смогла.

Как можно спать, когда на душе так муторно и тревожно?

Все мысли об Джерарде и глупышке Эйлин. Все молитвы о них.

Мора свернулась клубочком на своей лежанке, накрывшись шерстяным пледом, но её всё равно знобило. В конце концов, она поднялась и разожгла очаг. Стало немного теплее, но её продолжало лихорадить.

Словно передразнивая Мору, дрожал и крохотный огонёк масляной лампы. Пламя отбрасывало пугающие тени на стены и потолок. Она закрыла глаза, чтобы не видеть это, но от каждого шороха на улице вскакивала и озиралась.

Погасить лампу Мора так и не решилась – жутко было остаться в темноте и одиночестве. А ещё так хотелось верить, что этот тусклый свет поможет отцу найти верный путь сквозь грозовую ночь и чары злобных сидов.

Ненастье за окном и не думало утихать: дождь тарабанил по крыше, порывы ветра рвали ставни, потоки воды пробились в щели. Буря ярилась и шумела, а Море всё чудилось в этих звуках, что кто-то бродит во дворе, топчется у крыльца, стучит в окно или дверь.

Она подхватывалась, бежала к двери, но открывать боя-

лась – просто стояла, немея от ужаса, прислушивалась...

Если это Джерард, то он обязательно подаст голос. И уж тогда она откроет железные засовы и впустит в дом тех, кого так ждала. Лишь бы *те*, из Леса, не явились в Нокдагли вместе с этой жуткой бурей, не заморочили ей голову, не заставили обманом впустить их в дом.

Бабушка Шелта часто рассказывала жуткие сказки о фейри, которые умели воровать чужие голоса и лица.

Зря Мора вспомнила об этом сейчас – стало так страшно, что у неё даже зубы застучали. От новой мысли мурашки по спине пробежали – а что, если из Леса вернётся вовсе не Джерард, если проклятые фейри обратятся в него и сестрицу, убьют её родных, а сами придут сюда? Всем известно, как они коварны и хитры.

На глаза навернулись слёзы. Но Мора не позволила себе разреветься, шикнула строго и взяла себя в руки. Что за ерунда порой приходит в голову?!

Нет уж, собственного отца она всегда узнает! И легко отличит от какой-то там нечисти.

Пусть он и не отец ей вовсе, на самом деле...

Мора закусила губу и вздохнула судорожно. Как забыть то, что Джерард, разозлившись, бросил сегодня ей в лицо. Как забыть этот обвиняющий взгляд?

Она знала всё это и раньше.

Но пока роковые слова не были произнесены вслух, можно было делать вид, что все сплетни – неправда. А как теперь

смотреть Джерарду в глаза?

Ведь теперь они оба знают, что ей всё известно.

Нет, сам отец никогда прежде даже не намекал Море на то, что она ему неродная.

Но всегда найдутся добрые люди... В Нокдагли ведь все знают всё, тут ничего не утаить.

Море было лет восемь, когда она впервые зацепила где-то краешком уха болтовню деревенских сплетниц. Они, видно, рассудили, что девчушка отошла уже достаточно далеко и не слышит эти гадости.

Тогда Авонмора была слишком мала, чтобы понять всё, как оно было. Но какие-то зёрна сомнений уже проросли в её сердце. И вот, соприкоснувшись с этой скверной, она стала внимательнее прислушиваться и приглядываться, искать подтверждение своим догадкам...

И вскоре доказательств нашлось достаточно. Мора уже не сомневалась, что её настоящим отцом был кузнец Коналл. Обида, стыд и горечь жгли её душу, но Авонмора продолжала носить это в себе, так и не решившись откровенно поговорить с отцом. Ни с одним, ни с другим.

А вот теперь разговора не избежать...

Ну и пусть! Лишь бы он вернулся! Они. Лишь бы они вернулись.

Если отец не найдёт Эйлин, если не вернётся...

Мора всхлипнула невольно, зажмурилась, чтобы не разреваться в голос. Она никогда себя не сможет простить, если

из-за неё сгинет и Джерард, и сестрица! Никогда!

Как ей тогда жить? Как?

Нет, с голоду она не умрёт, родичи всё равно не бросят, помогут.

Но как с таким камнем на душе жить?

Нет, только не это, только не это!

Мора, уже в который раз за ночь, принялась призывать на помощь всех известных ей богов...

Но вдруг замерла, боясь вздохнуть. Почудилось, что хлопнула калитка... Кто-то шёл от изгороди по двору, подходил всё ближе к дому. Мора чётко слышала шаги, слышала, как хлюпает грязь под ногами – в этот раз это был не морок, не шум ветра и дождя...

Кто-то действительно замер у входа в дом, а у Мора едва не замерло сердце в груди. Кто же там? Кто явился в грозу и стоит у порога?

Дверь сперва толкнули чуток, но тотчас загрохотали в неё со всей силы – Мора подскочила, будто её ужалили. Ещё мгновение, и сердце разорвётся...

Но тут сквозь вой ненастья долетел усталый родной голос: – Мора, открой! Это мы...

Руки дрожали и не слушались, когда она торопливо открывала задвижки на двери.

Вместе с Джерардом в дом ворвалось ненастье – промозглый хлёсткий ветер, брызги дождя, холодящая кожу сырость.

Отец перешагнул порог, и Мора спешно захлопнула дверь, с тревогой глядя на него снизу вверх.

Это был он, никаких сомнений. Мора не забыла сказки о том, как злобные фейри выдают себя за обычных людей. Но сейчас сердцем чувствовала, что это он, точно он.

С волос и одежды Джерарда ручьями бежала вода, а Эйлин он держал на руках, прижимая к груди и прикрыв полой куртки.

– Что... она... – Мора почувствовала, как ноги отказывают – ещё миг, и она рухнет на мокрый пол.

– Она спит, просто спит... Всё хорошо... – шепнул Джерри, торопясь её успокоить, и вдруг улыбнулся так ласково, что Море захотелось расплакаться.

Не сдержавшись, она бросилась к нему, неуклюже обхватила руками за пояс, стараясь одновременно обнять и отца, и сестрицу. Такие порывы ей были совершенно не свойственны, и Авонмора чувствовала, как щёки запылали, а глаза поднять она и вовсе не посмела.

Но сейчас она не могла иначе – слишком велика была радость, чтобы удержать её внутри. Они вернулись, всё позади, все живы и здоровы! Будто тяжёлый груз свалился с детских плеч. Кажется, впервые за эту ночь она вдохнула полной грудью.

А потом Джерард вдруг тоже обнял её. Так же неловко, словно не знал, как это делается – одной рукой, притянул к себе (в другой у него была Эйлин), легонько похлопал по

спине.

– Всё хорошо... – повторил он и добавил тихо, – дочка...

А потом, склонившись, коснулся тёплым дыханием её волос и коротко поцеловал её в макушку.

И вот тогда Мора всё-таки разревелась.

От её плача Эйлин проснулась, заёрзала на руках отца.

– Мора... – сонно улыбнулась она. – Ты почему плачешь, сестричка?

– За тебя, глупенькую, испугалась... – сквозь слёзы ответила Авонмора, погладив мокрые рыжие косички.

– Почему? – удивлённо хлопнула глазёнками младшая.

– Думала, ты пропала...

– Нет, – замотала головой Эйлин, улыбнулась, – я с мамой была... Она живёт в Лесу у сидов. Представь! Там такие цветочки красивые, и лисята, и зайчики...

Мора перевела изумлённый взгляд с сестры на Джерарда, но тот лишь вздохнул и заговорил о другом, словно не желал это слышать.

– Мора, будь добра, достань-ка Эйлин другое платье! Такой дождь льёт, мы все промокли... Надо её срочно согреть...

Джерард усадил дочку на лавку, бережно и осторожно, словно она была очень хрупкой. Мора бросилась за одеждой, пока отец подкидывал дрова в очаг.

Авонмора развязала уже тесёмки на платье, но на Эйлин ещё был маленький передник. Сестричка грела ручки в его

большом кармане и мешала Море переодевать её.

Рыжая проказница упрямо не давала снять с неё передник, уворачивалась, цеплялась за ткань одной рукой.

– Да что с тобой такое?! – изумлённо воскликнула Мора. И вдруг её осенила догадка. – Постой! Что там у тебя? Что ты прячешь?

– Ничего! – тотчас насупилась Эйлин.

Но теперь уже Мора ясно видела, что в оттопыренном кармане что-то есть.

– Эйлин, дай я посмотрю! – продолжала настаивать Авон-мора.

Но всегда добродушная младшая сестрёнка внезапно заупрямилась не на шутку.

– Нет, не отдам, это моё! – она покраснела от злости и попыток уберечь "своё сокровище".

К дочерям подскочил ошеломленный Джерард.

– Эйлин! Перестань! Ты что? – отец не ругался, но был обескуражен, как и Мора. – Покажи, что там у тебя, дочка!

Но Эйлин даже его не послушала...

В конце концов, уже вдвоём, практически силой, они вытащили руки Эйлин из кармашка и разжали крепкий кулачок.

На ладони лежали смятые растерзанные незабудки. Крохотные голубые лепестки вспыхивали серебром, как далёкие звезды, и тотчас гасли.

– Вы их испортили! – горько всхлипнула Эйлин.

А Джерард выгреб из её кармана обрывки стеблей, листьев и ещё несколько цветков.

— Где ты это взяла? — глухо проронил Джерард.

— Там, в Лесу... — Эйлин подняла на отца грустные небо-голубые глаза. — Это Рей мне подарил... Чтобы я помнила про него... всегда... Пап, а он сказал, что вернётся за мной потом, когда я вырасту... И заберёт к маме, туда, где много таких цветочков. Папа, он, правда, за мной придёт?

Мора в ужасе смотрела на отца, видела, как Джерард побледнел, как гневно нахмурил брови.

А потом одним быстрым движением сгрёб обрывки сидских цветов и швырнул в очаг волшебный подарок.

Огонь полыхнул так ярко, словно в него плеснули масла, и уши тотчас заложило от пронзительного горестного крика Эйлин.

Эйлин наконец утихла — заснула, смешно посапывая, но сквозь сон изредка продолжала всхлипывать судорожно.

У Моря всякий раз сжималось сердце от этого звука. Она устроилась подле сестрёнки, гладила её по курчавым от дождя волосам и тайком косилась на потемневшего, хмурого Джерарда, сидевшего за столом — на лице отца не осталось и тени улыбки. Возможно, он уже снова жалел о том, что сделал...

Мора не смела упрекнуть его даже мысленно, хоть ей и было очень жаль младшую.

Отец поступил верно, иначе было нельзя.

Хотя сама Мора сделала бы хитрее – дождалась, пока сестрица уснёт, а потом уж бросила цветы в огонь. А утром бы Эйлин и не вспомнила про эти проклятые незабудки, а если бы и вспомнила... Мора просто сделала бы вид, что ничего не знает.

Но отец всегда был слишком не сдержан. Поторопился.

Он испугался. Мора это видела. Конечно, Джерард никогда бы в этом не признался, но она увидела страх в его глазах. Поэтому он и не стал нянчиться со своей любимицей, просто вырвал из её рук то, что посчитал опасным, вырвал и уничтожил.

Ведь любой в Нокдагли знал с малых лет, что никаких подарков от *тех*, кто живёт за рекой принимать нельзя. Никаких даров, никаких разговоров! Лучше в сторону Леса даже не смотреть.

И Эйлин это тоже знала – сколько раз её пугали чудовищами из Леса.

Но она всё-таки взяла крохотный букетик из рук сида...

Зачем она притащила эти мерзкие незабудки в их дом? Почему не отдала сразу, почему отцу не показала? И что она там болтала про мать и какого-то друга из Леса?

Может быть, злобные фейри уже успели её опутать своими чарами? А вдруг они угощали её чем-то в своём Лесу!

Тогда Эйлин непременно умрёт, или сбежит обратно в Лес, навеки став пленницей Дивного Народа. Такие дары ни-

кому не приносят счастья. Ох, быть новой беде, быть новой беде!

Пусть отец и сжёг ненавистные сидские незабудки, но смог ли он уничтожить их магию? Или она всё ещё витает под крышей их дома?

Может, оттого сестрица и ревёт, и мается, и места себе не находит...

Эйлин рыдала так долго, надрывно, отчаянно, как никогда прежде. Они ничем не могли её утешить. Кажется, она плакала до тех пор, пока у неё просто не осталось ни слёз, ни сил, чтобы продолжать. Вот тогда она, наконец, забылась тяжёлым, беспокойным сном.

А Мора тихонько отошла от неё и, нерешительно помявшись, всё-таки подсела за стол к Джерарду.

Отец к душевным разговорам никогда особо не тяготел, а уж сегодня и подавно. Море было особенно неловко рядом с ним после того, что он сегодня сказал при всех.

Но она не могла сейчас просто пойти и лечь спать...

Слишком много вопросов вертелось на языке, слишком много тревог жгло душу, слишком мрачным казался сейчас отец.

И она не смогла промолчать...

– Это правда... – тихо начала Мора, запнулась на полуслове под тяжёлым взглядом Джерарда, но всё-таки договорила, – она была... *у них?*

– Да, у сидов, – угрюмо кивнул отец. – Так что... ты себя

зря не кори за всё это! Наверняка они на тебя чары навели, вот и уснула...

Мора опустила глаза, чувствуя, как загорелись щёки.

Джерард тяжело вздохнул и добавил:

– И... меня прости! Я разозлился... Сам не знаю, что нёс.

Мора, я... так никогда не думал...

– Но... ведь это правда... – чуть слышно возразила она, изо всех сил пытаясь удержать слёзы. – Я знаю, про...

– Нет, неправда! – сурово оборвал Джерард. – Ты... ты моя, родная! Только моя. Я же тебя сизмальства... На руках моих выросла. Да я тебя больше нянчил, чем мать твоя, непутёвая! Пусть они все говорят, что хотят, а ты – моя! Слышишь? Моя.

Мора больше не могла держаться – слёзы хлынули потоком, почти как у Эйлин недавно. Она вскочила и бросилась отцу на шею, и тот обнял её крепко, прижал к плечу, неумело поглаживая по спине.

– Ну... ты чего это? – добродушно хмыкнул Джерри, сам пару раз шмыгнув носом. – Да что же это сегодня за день такой, мокрый? Всё, Мора, всё! Хватит слёз! Ну... не серчай на меня, дурака!

Она отстранилась, улыбнулась, размазывая слёзы по лицу.

– Я и не серчаю! Папа, ты же голодный... Будешь ужинать?

Он пожал плечами и мотнул головой согласно.

– А давай! Всё равно сна ни в одном глазу...

Авонмора метнулась к очагу, а мысли её снова метнулись к Эйлин.

Вроде бы сейчас и дышать стало легче – ведь впервые они с отцом говорили вот так, словно, и в самом деле, родные люди. Но то, что случилось сегодня с сестрой, отравляло эту светлую радость.

– Пап... а что Лиа сказала такое? Про маму...

Мора поставила перед Джерардом миску с рагу, тот уже взялся за ложку, но замер на мгновение.

– Это тоже правда. Её забрала Лиа, – наконец обронил отец и взялся-таки за ужин.

– Но... Лиа... – Мора вытаращила на него глаза, сердце из груди готово было выскочить. – Значит, она не пропала?

– Она вернулась *к своим*, – почти невозмутимо кивнул отец – видно, всё в нём сегодня уже отбушевало и перегорело.

– Значит... И то, что болтают о ней, тоже правда? Про сидскую ведьму... Про то, что она тебя околдовала...

– О, Мора... – Джерард отодвинул полупустую чашку и устало потёр лицо. – Не делай вид, что ты не догадывалась! Ты ведь с ней жила под одной крышей, хоть и мала ещё была... Да, я привёл её из Леса. Только не было никаких чар... То есть... были... Но вовсе не её...

Мора, ничего не понимая, ждала продолжения, но отец оборвал свою путаную речь и только рукой махнул.

– А-а-а... Что теперь говорить об этом! Я один виноват

во всём. Теперь они хотят забрать её, мою Эйлин. Говорят, ей не место среди людей. Но она ведь моя дочь! Она – наша Лина. Так ведь? Мы её не отдадим! Да, Мора? Мы её никому не отдадим!

Авонмора сглотнула комок слёз, застрявший в горле, и поспешно кивнула. Отец сейчас походил на безумца.

– А как же ты её смог забрать? – удивилась она.

– Лиа меня пожалела. Отдала, – Джерард подняла на старшую дочь взгляд, полный отчаяния и тоски. – И этот самый Рей... Эта мерзкая тварь, что подсунула Лине цветочки... Не знаю, кто он у них там, в Лесу... Видно, что-то вроде нашего Грейди. Потому что Лиа его умоляла, и он позволил нам уйти. Сам принёс спящую Эйлин мне, принёс на руках, и сказал на прощание... мол, пусть она спит пока, так ей не будет больно. Наутро всё покажется сном...

Эйлин заворочалась, и они вместе, не сговариваясь, умолкли и с тревогой повернулись к ней, но сестрица крепко спала и не слышала ночных разговоров.

– И ещё, – угрюмо продолжил отец, – он сказал: «Береги её, Джерард из Нокдагли! Она – дочь Зачарованного Леса, ей не место среди смертных, но я дарю тебе ещё тринадцать лет, тринадцать лет по меркам людей. Эти годы твои. Но, когда минует этот срок, я вернусь. И заберу твою дочь!»

7 Сны на рассвете

Эйлин

– Эйлин! Эйлин...

Она услышала этот шёпот сквозь сон – тихий зов, такой знакомый и незнакомый одновременно. Эйлин распахнула глаза и села.

Ей почудилось, что такое уже случалось однажды...

Впрочем, Эйлин часто всякое *чудилось*.

Ей были привычны странные сны, которые переплетались с её воспоминаниями, и порой Лина терялась в этих грёзах, с трудом разбирая, что с ней происходило на самом деле, а что лишь привиделось в какую-то из ночей.

Но этот голос... Он напомнил про те самые шепотки из прошлого, с которых всё и началось. По крайней мере, Эйлин считала, что началось всё с того самого, незабытого за все эти годы, летнего полдня, когда её увели в Зачарованный Лес.

С тех пор как фейри украли её и приоткрыли крошке Эйлин дверь в настоящую сказку, сказка поселилась с ней по соседству и больше не желала её покидать.

А ведь она и свои приключения у сидов сначала приняла за сон.

Проснувшись тогда поутру в своей постели, Эйлин решила, что дома она и ночевала. А вся эта красота: древний лес,

небесные цветочки, говорящие звери, дивные крылатые существа и красавица-мама – всё это ей просто приснилось.

Это было бы неудивительно, ведь Лина часто видела красивые, яркие сны. Но тот казался слишком уж реальным, невероятным, чудесным... Настолько, что в него очень хотелось поверить.

И всё-таки она решила, что это сон.

Тем более что отец и Мора ничего не спрашивали у неё, занимались привычными делами, будто ничего и не случилось. Лишь иногда бросали в её сторону чуть настороженные взгляды, но Эйлин не понимала причину. Если бы она и вправду пропала накануне, родные точно отругали бы её, а не поглядывали так странно.

Она хотела поделиться с ними, рассказать о своей ночной «прогулке», но отчего-то так и не решилась. А ещё Эйлин помнила, как тогда ей стало грустно, нестерпимо грустно от того, что не было никакого волшебства, и мамочки тоже не было.

Наверное, отец тогда надеялся своим молчанием и притворством уберечь её от волнений и страха... Но ведь об исчезновении Эйлин, знала вся деревня. Такое не утаить.

Стоило ей появиться в то утро во дворе, как соседка, бабушка Шелта, испуганно ахнула и воскликнула: «Так Джерри тебя нашёл!», и Лина мигом всё поняла.

Тогда она очень разозлилась на отца и смертельно обиделась...

Нет, не из-за того, что вернул её домой, и даже не из-за сожжённых цветочков. Хотя те серебряные незабудки было очень жаль. Да и разве так можно – бросать в огонь чужие подарки!

Но Эйлин было очень горько по другой причине...

Отец пытался её обмануть. Безграничное доверие ребёнка к этому большому, суровому, но такому любимому мужчине в то утро пошло трещинами. И исправить это оказалось уже невозможно...

Конечно, Лина отца простила. Немного подулась и успокоилась. Но ядовитая горечь того разочарования так и засела в её душе занозой.

Однако время шло... И всё, что случилось тогда, с годами и вправду стало казаться сном. Таким же, как сотни других снов, невероятных, сказочных, порой пугающих, порой чудесных.

Эйлин иногда вскакивала среди ночи с криками, иногда просыпалась от собственного счастливого смеха. И то, и другое до ужаса пугало её родных. И порой Лине было так стыдно за то, что с ней столько хлопот.

Все эти странности маленькой Эйлин их семья хранила в секрете, но всё тайное самым непостижимым образом умудрялось просачиваться за стены дома. И на Лину частенько косились с подозрением и взрослые, и дети – ждали подвоха, словно она была из тех злобных собак, которые не рычат и не лают, но молча кусают, неожиданно подкрадываясь со

спины.

Порой ребятня дразнила Эйлин в открытую. И среди разных обидных слов «ведьмина дочка» было, пожалуй, самым добрым. Мора заступалась, если слышала. Но тогда нередко доставалось и ей, и её покойной матери.

Однако к этим нападкам сёстры быстро привыкли. И почему-то, не сговариваясь между собой, никогда не жаловались на это отцу, словно оберегая Джерарда от того, о чём он не желал говорить и слышать. Ведь он же берёт их от всего остального...

Лина так быстро унеслась сейчас мыслями во все эти воспоминания, что и позабыла, почему она проснулась. Сидела в темноте, размышляла, глядя, как серый сумрак пробивается стрелами сквозь щели в ставнях.

Солнце ещё не встало, только-только начинало светать, но птицы уже галдели на разные голоса, приветствуя рождавшийся день.

И Эйлин вдруг очень захотелось встать и выйти на крыльцо, тоже поприветствовать солнышко и улыбнуться рассвету. Подчиняясь этому непреодолимому желанию, Лина спустила босые ноги на пол, поежилась от утренней прохлады, сделала один шаг, и замерла...

– Эй-л-и-и-и-н...

Сердце оборвалось, дыхание перехватило.

Лина резко развернулась к окну и вновь ясно услышала призывный шёпот.

– Эйлин!

Она зябко обхватила себя за плечи, не дыша, приблизилась к окну, прислушалась...

Тишина. Лишь птицы звенят беспечно. Эйлин наконец смогла вздохнуть.

Но тревога не отпускала до конца. Ей чудилось, что по ту сторону кто-то есть.

Кто-то поджидал её там, снаружи, кто-то, кого не пускал в дом лишь тяжёлый прочный заслон – ставни из крепкого дуба, в изобилии окованные железом. Ставни эти были так тяжелы, что каждую створку Эйлин с трудом открывала двумя руками, но делала это исправно каждый вечер и каждое утро. К слову, столько железа на ставнях Лина не видела ни у кого из соседей.

Она не спрашивала отца, зачем это нужно, и так понимала, что всё снова из-за неё, из-за того, что её мать из Леса...

Джерард отчаянно пытался не подпустить к Эйлин фейри.

Но сейчас Лина была уверена, что тот, кто явился в этот рассветный час под её окно, точно не человек.

От ужаса руки стали ледяными, сердце готово было выскочить из груди...

Эйлин заозиралась, вглядываясь в темноту – чудилось, что и здесь, в доме, тоже кто-то есть, что отовсюду тянутся к ней жуткие, когтистые лапы тьмы.

«Надо позвать отца, надо его разбудить!» – осенило её.

Но крикнуть Джерарда Эйлин так и не успела.

– Эйлин! – снова позвали с улицы. – Впусти... меня...

Лина на миг зажмурилась. А дальше, онемев от ужаса, она смотрела, как ставни зашатались, будто их пытались открыть. Раздался пугающий скрежет...

И Эйлин отчётливо представила, как чья-то жуткая когтистая лапа скребётся в окно, оставляя глубокие борозды на крепком дереве.

Ставни ходили ходуном, крепкие железные запоры вот-вот готовы были поддаться неведомой силе. Ещё мгновение, и распахнутся дубовые створки, и тогда уже никто не остановит то, что там, снаружи...

Эйлин смотрела на это, будто окаменев, ей бы бежать, звать на помощь, но ноги словно к земле приросли, а голос перестал подчиняться.

И лишь когда она увидела, как в узкую щель протиснулась чёрная лапа...

Да, именно лапа, рукой это нельзя было назвать – жилистая, узловатая лапа, вроде птичьей, только размером с мужскую ладонь, с пятью пальцами, покрытая гадкой чешуйчатой кожей. Лина хорошенько рассмотрела эту мерзость, ведь вместе с чудовищной дланью между створок пробивался и зыбкий утренний свет.

Так вот...

Когда острые когти, загнутые, как у хищной птицы или кошки, вонзились в тёмный подоконник, оставляя глубокие

белые борозды, Эйлин наконец очнулась и завизжала на весь дом.

– Папа-а-а!

Так ей, по крайней мере, казалось, но на деле вышел чуть слышный писк.

Джерард, разумеется, его не слышал.

Эйлин удивляло другое, что отец не слышит, как некто пытается выломать ставни. Отец всегда спал чутко. Почему же сейчас не бежал на помощь своей девочке... Что *они* с ним сделали?

От этой мысли по спине пробежал озноб, хотя, казалось бы, куда там пугаться ещё больше.

От жуткого грохота и скрежета тряслись уже не только створки окна и стены, Эйлин чудилось, что дрожит сама земля под её ногами. Весь мир вокруг неё вот-вот готов был развалиться на части.

Надо спастись, надо бежать, пока ещё можно!

Вместо того чтобы убегать, она бросилась к окну, вцепилась в готовые слететь с петель ставни, отчаянно пытаясь их удержать. Эйлин не смогла бы объяснить откуда, однако, она точно знала, стоит пасть этой ненадёжной преграде, и уже никто и ничто её не спасёт.

Но брешь росла, несмотря на все её усилия! Хищная лапа тянулась к ней...

В щель она иногда видела высокий силуэт в тёмном плаще с капюшоном. И чудилось, что ночной мрак, не желая усту-

пать рассветному солнцу, жмётся к этой твари, ютится, как послушный пёс, в тени мрачной рослой фигуры.

Ко всему этому кошмару примешалось хлопанье крыльев и хриплое карканье, словно над домом кружила стая вороны. Нарождавшийся рассвет померк, будто ночь вернулась обратно.

Последние силы оставили Эйлин, она поняла, что проиграла...

И в этот самый миг, когда она, не удержав, отпустила створки, и ставни с грохотом распахнулись, Лина с изумлением увидела, что по ту сторону никого нет.

За окном светало, нежное золотистое солнце вставало над лесом, птицы галдели в зарослях за оградой...

Двор был пуст.

Эйлин не верила своим глазам. Куда же исчез этот...

– Эйлин! – в этот раз её окликнула Мора, но Лина всё равно вздрогнула.

А ещё через мгновение, она увидела перепуганное лицо сестры. Только почему-то оно нависало прямо над ней.

– Лина! Ну же! Проснись! Проснись! – исступлённо повторяла Авонмора и трясла её за плечи.

– Я... я не сплю... – просипела Эйлин.

Сестра отступила с заметным облегчением.

А Эйлин приподнялась и села, растерянно глядя вокруг.

На столе горела лампа, дрожащим светом разгоняя темноту прошедшей ночи.

Мора всё ещё тревожно вглядывалась в её лицо. Отца в доме не было – видно, уже ушёл на раннюю рыбалку.

Крепкие, дубовые ставни, окованные железом, были плотно затворены и надёжно закрыты на все щеколды.

И серый сумрак рассвета пробивался стрелами сквозь их щели...

8 Сны на рассвете

Эйлин

– Что тебе приснилось? – Мора продолжала поглядывать на неё с тревогой.

– Просто дурной сон, – откликнулась Лина, поднимаясь на ноги.

Она дошла до лавки и кувшина с водой, плеснула в ладонь, умыла лицо...

Стало немного легче, но голова от резкого пробуждения и кошмара по-прежнему была тяжёлой.

– Это я и так поняла, – поджала губы Мора. – Что именно? Ты так стонала и кричала, что даже я проснулась.

– Я не помню... – не глядя на сестру, отмахнулась Эйлин.

Она, конечно, помнила, но пересказывать весь этот ужас совсем не хотелось. Да и Мору пугать не стоит – она та ещё трусишка, хоть и старается всегда показать, что она старшая и, вообще, уже взрослая.

Лгунья из Эйлин была не очень-то хорошая – сестра без труда выводила её на чистую воду. Эйлин подозревала, что и отец тоже, просто он ей об этом не говорил, а только хмурился сердито. Поняла Лина это ещё в детстве и с тех пор старалась не врать.

Но иногда сказать правду невозможно. Как вот сейчас...

– Отец сегодня рано ушёл... – решила она отвлечь Авон-

мору.

– Да как обычно... – та пожала плечами, всё ещё недоверчиво поглядывая на младшую. – Светает уже. Пора вставать, за работу браться... Пойду коз доить, а ты очагом займись да завтраком.

– Хорошо, – с готовностью откликнулась Эйлин и улыбнулась в ответ.

Сейчас ей хотелось только одного, чтобы Мора прекратила свои расспросы и ушла во двор.

Но, пока сестра натягивала на сорочку верхнее платье, Эйлин уже передумала и сама задала ей неожиданный вопрос:

– Мора, а отец рассказывал тебе что-нибудь про ту ночь?

– Ту ночь... – опешившая Авонмора уселась на край постели, из всех сил делая вид, что не поняла.

Но из неё врушка тоже не получилась...

– Когда я пропала... – не отступила Эйлин. – Он рассказывал, что со мной тогда случилось?

– Лина, восемь лет прошло... Неужели ты думаешь, я помню, что он тогда говорил? – фыркнула Мора, слишком наигранно, чтобы ей можно было поверить. – Да ты сама... разве не помнишь?

Эйлин вздохнула, пожав плечами.

– Помню... но не знаю, было ли это на самом деле. Может, мне всё приснилось? Знаешь, иногда так сложно припомнить, что во сне видела, а что и вправду случилось...

– Не знаю, – хмыкнула Авонмора. – Мне вообще сны никогда не снятся. Я точно знаю – всё, что я помню, было на самом деле. Может, ты и права... Может, ты просто ушла в Лес, уснула там, где-нибудь под деревом, и спала, пока отец тебя не нашёл... Вот и всё!

– Думаешь, никаких сидов не было? – растерянно нахмурилась Эйлин. – Ведь все говорят, что меня украли фейри. А мама? И её тоже не было?

– Все говорят... – скривилась Мора. – Будто они видели, как тебя сиды уводили. Я не знаю, Лина, что тогда случилось. Я только знаю, что никаких сидов я не видела, и Лиа тоже не видела. Отец просто ушёл в лес и вернулся с тобой обратно. А где он тебя там нашёл, под каким кустом, с кем, этого я не ведаю... И вообще... что это ты про Лес вспомнила? Не к добру...

– Неужели ничего не было... – Эйлин, казалось, и не слышала сестру. – Но я же помню маму, она меня обнимала, волосы мне расчёсывала...

– Ты просто по ней скучала, – сочувственно вздохнула Мора. – Я бы тоже хотела обнять маму, хотя бы один раз.

– Но там был ещё кто-то... в том сне... – покачала головой Эйлин, отчаянно пытаясь воскресить в памяти что-то важное. – Ладно, маму я хотела увидеть... А этот... чужой? Почему он мне приснился? Я помню, цветы... у меня в руках... и голос... Он просил, чтобы я помнила, о нём помнила... А я всё забыла. Почему я никак не могу вспомнить, кто там

был ещё?

– Потому что никого и не было, – отрезала Авонмора. – И цветов никаких я тоже не видела. И пришли вы с отцом тогда вдвоём, никто за вами следом не шёл. Выброси всё это из головы, Лина! Да не вздумай отца расспрашивать! Он и так тогда из-за тебя на полголовы поседел.

Эйлин стыдливо опустила взгляд.

Мора снова права. Она столько хлопот доставила тогда и своим родным, и всем деревенским. Страшно представить, что тогда отец пережил, сколько слёз сестрица выплакала...

Так стоит ли бередить старые раны? Тем более из-за какого-то там сна...

Уже рассвет. Солнце сейчас над лесом поднимется и развеет все ночные мороки.

А прошлое... Пусть оно остаётся в прошлом!

Эйлин поспешила на крыльцо следом за вышедшей во двор Морой. Сестрица отправилась в загон к козам, а Лина открывать тяжёлые ставни – хотелось скорее впустить в дом солнечный свет.

Всё ещё немного отрешённая и задумчивая Эйлин подошла к своему окну, протянула руку и отдёргнула её с ужасом...

Наверное, она долго так простояла – оцепенев от страха, не замечая, как мимо проносятся мгновения.

Эйлин словно вернулась обратно в свой кошмарный сон.

Перед глазами снова возникло жуткое видение – уродливая лапа, тень в чёрном плаще, пугающая до дрожи, страшные звуки, неумолимый зов...

Внутри всё заledenело от ужаса, мурашки побежали по телу. Эйлин снова протянула руку вперёд, с досадой замечая, как она дрожит...

На тёмном дереве чётко белели свежие кривые царапины. Глубокие борозды, оставшиеся на подоконнике и кромке одной ставни, вызывали в душе паническое желание развернуться и броситься отсюда прочь, бежать и бежать, куда глаза глядят. Лишь бы не видеть это!

Это...

Что же это такое?

Вместо того чтобы спастись бегством, Эйлин зачарованно коснулась необъяснимого следа на дереве, медленно провела по шероховатой линии – и та оказалась шире её тонкого пальчика...

Какими же должны быть когти, чтобы осталось вот такое?!

Эйлин брезгливо отёрнула руку.

Сердце застучало так, что отдавалось в висках. У Лины потемнело в глазах, едва она представила, что это чудовище могло забраться в дом...

Но ведь Мора его не видела, и ничего не слышала, и она *разбудила* Эйлин. Как же так?

Ведь если всё было не понарошку, а по-настоящему... значит, Эйлин не спала. Значит, видела эту жуткую тварь за ок-

НОМ.

Может быть, остались ещё какие-то следы...

Эйлин огляделась, но не увидела ничего подозрительно-го. Никаких отпечатков обуви, ног или лап. И даже куст ромашек, буйно разросшийся под самым окном, оказался не примят.

Ещё одна загадка...

Если эта жуткая тень подобралась к самому дому, стучалась в окна, сражалась с Эйлин за право открыть ставни, как вышло так, что она даже не коснулась цветов и земли. Ведь чудовище точно не было бесплотным, иначе сейчас здесь не красовались бы такие жуткие царапины.

Лина обхватила внезапно заболевшую голову, сжала виски...

Боги, да что же это! Она совсем запуталась, она не понимала, что произошло, где сон, где явь... А самое страшное – Эйлин не знала, что ей теперь делать.

Рассказать отцу и Море? Но тогда она снова их перепугает, добавит отцу седин, растрожит его, рассердит сестру. Эйлин совсем не хотелось снова становится источником хлопот и забот для своих родных.

Да и поверят ли ей?

Она и сама не рискнула бы поклясться, что всё это случилось на самом деле. Эйлин почти уверила себя, что видела всего лишь кошмарный сон. Вот только сны не оставляют следы от когтей...

А если скрыть от семьи правду, малодушно промолчать, они, наверное, и не заметят этот жуткий отпечаток на окне. И будут дальше жить спокойно.

Ну-ну... И даже не подозревать об опасности, которая подкрадывается к их дому, не зная, что им грозит... Пока однажды это жуткое чудовище не доберётся до них.

Да ты просто умница, Эйлин! В самом деле, зачем им рассказывать? Лучше подождать, пока эта жуткая птичья лапа дотянется до них.

Лина тяжело вздохнула. Она даже не представляла, как начать этот разговор с отцом. Да и с Морой тоже.

Наверное, Эйлин ещё долго могла бы терзаться вот так, совершенно растерявшись от всего, что произошло, но судьба всё решила за неё.

– Лина, ты чего там застыла? – неожиданно раздался позади недовольный голос старшей сестры. – Уснула что ли? Я тебе что сказала делать? А ты ещё даже ставни не открыла!

Авонмора поставила на землю ведро с молоком и с подозрением окинула младшую долгим взглядом.

– Чего это ты такая бледная? Лина! Ты меня слышишь? Что случилось?

– Ничего, – Эйлин отчаянно затрясла головой, пытаясь собой прикрыть тот самый след на окне, – просто задумалась...

Но Мора всегда была умна и наблюдательна – сразу поняла, что рыжая лукавит.

Она чуть сдвинула младшую в сторону и испуганно ахну-

ла.

– Это ещё что?

– Не знаю, – почти честно ответила Эйлин. – Я пошла открывать... и увидела...

Они переглянулись испуганно. Мора задержала взгляд на лице сестры, словно пыталась поймать её на лжи или недомолвках.

– Вчера здесь точно ничего не было, – тревожно покачала головой она. – Ты ночью ничего не слышала?

– Нет, – мотнула головой Эйлин.

– Что же это такое?

– Может... какой-то зверь... – рискнула предположить Лина, больше для своего собственного успокоения.

– Это у какого же зверя такие когти? – фыркнула Авонмора и чуть заметно вздрогнула. – Не похоже на лисицу или горноста... Таких огромных лап нет даже у волкодавов дя-дюшки Мерфи.

Эйлин только кивнула согласно и отвела в сторону взгляд.

Она чувствовала, как сестра пристально смотрит на неё, от этого назойливого внимания пекло щеку.

– Лина... – наконец тихо окликнула её Мора. – Ты что-то знаешь об этом... А ну-ка рассказывай!

Эйлин тяжело вздохнула, заглянула в светлые глаза сестры и честно выложила всё.

Какое-то время Авонмора молчала, потом твёрдо сказала:

– Отцу надо рассказать. И показать.

– Может, не стоит... Ты же сама сказала, что он уже седой из-за меня... – нахмурившись, попыталась возразить Эйлин.

– Нет, *это* надо показать, – непреклонно решила Мора, подхватила ведро, разворачиваясь к крыльцу. – Я сама расскажу, как только вернётся. А теперь открывай ставни, и пошли в дом! Нечего тут стоять – не хватало ещё, чтобы бабушка Шелта это увидела.

Преодолев неприязнь и страх, Эйлин всё-таки открыла тяжёлые ставни и хотела уже пойти следом за старшей сестрой...

Но тут ей почудилось, будто что-то блеснуло в том самом кустике ромашек.

Она вернулась обратно, наклонилась и вытащила из мохнатой пахучей зелени веточку незабудок, сверкающих лазурным серебром. Распахнув глаза, Эйлин несколько мгновений смотрела на это чудо, а потом боязливо оглянулась по сторонам, точно вор, и быстро спрятала свою находку в карман передника.

9 Сны на рассвете

Эйлин

– Нужно уходить.

Отец очень долго молчал. Безразлично жевал свежую лепешку, запивал молоком и молчал. Смотрел прямо перед собой, отрешённо, задумчиво. А потом вдруг отставил кружку. И сказал это.

– Что? – в один голос воскликнули сёстры.

Эйлин испуганно покосилась на старшую – может, она что-то не так поняла. Но, судя по широко распахнувшимся глазам побледневшей Моры, отец сказал именно то, что она подумала.

Он вернулся четверть часа назад. Эйлин как всегда поспешила навстречу. Она уже не была той весёлой крохой, что всегда стремглав неслась встречать его у изгороди, но эту старую добрую традицию и сейчас не забывала. Знала, что отца это радует.

Но в этот раз Авонмора тоже вышла во двор, позвала отца за собой и без лишних слов указала на след от когтей.

Отец замер на месте, помрачнел как-то сразу, желваки заходили на скулах.

– Вы видели, кто это сделал? – наконец глухо уточнил он.

– Лина видела, – кивнула сестра.

Отец перевёл на неё тёмный взгляд, и Эйлин вдруг поёжи-

лась, не зная, что сказать.

– Я думала, это просто сон... – передёрнула она плечами.
– А потом увидела это. И теперь... я не знаю... Он меня звал. Чудовище... страшное... в чёрном плаще... Оно хотело пробраться в окно.

Отец вздохнул тяжело, судорожно, погладил её по голове, словно утешая, и сказал, вторя недавним словам Моры:

– Идёмте в дом! Пока кто-нибудь из соседей это не заметил...

Но он и в доме не спешил говорить о том, что случилось. Сел за стол обедать, словно в любой другой день. А Эйлин смотрела на него, и кусок в горло не лез.

А ещё чудилось, что в кармане передника так печёт, словно она туда раскалённые угольки насыпала. Лина даже украдкой поглядывала, не горит ли её одежда. Но ничего подобного не замечала. Видно, жгла так сильно её лишь собственная совесть.

Она теперь сама не понимала, зачем забрала эти цветы, зачем спрятала, зачем не сказала сестре о незабудках. И что ей теперь делать с этой небесно-голубой веточкой, она тоже не понимала.

От сидских цветов, по-хорошему, надо избавиться – но сердце так больно сжималось лишь от одной мысли, что она их выбросит, просто невыносимо больно.

«Надо их вернуть... Отнесу-ка я их поближе к Лесу и брошу в реку – пусть забирают свои подарки, мне они совсем

не нужны!»

Но стоило Эйлин твёрдо решить, что так она и поступит, как в груди заныло тоскливо – расставаться с такой красотой ей совсем не хотелось.

И вот отец одной фразой развеял все её мучения. Всего два слова – и Лине стало не до цветочков, случайно обнаруженных под окном.

– Мы уйдём из Нокдагли, – твердо повторил отец. – Подалее от этого проклятого Леса. Туда, где эти твари нас никогда не найдут. Не может быть такого, чтобы они всюду имели силу.

– Но как же... – ахнула Мора, – мы... не можем уйти... А наш дом? Земля? Отец, что мы станем делать без земли? Неужто ты хочешь себе и нам такой судьбы, судьбы изгоев?

А Эйлин лишь слушала, открыв рот, старших, и не могла поверить тому, что слышит.

– Ничего, не пропадём! – ободряюще улыбнулся отец. – Покуда я у вас есть, не пропадём. Руки-ноги целы – могу охотиться, рыбу удить, работать на кого-то... Не пропадём! Ты права, Мора, землю родную терять не хочется... Но только вы мне дороже этой земли! Я смогу своих дочерей защитить. Даже от Тех Самых, из Леса...

– А ваш уговор? – сипло шепнула Авонмора, и отец вздрогнул.

Эйлин нахмурила брови, уже совершенно ничего не понимая. О чём это они? Словно какие-то секреты, словно сестра

знает о чём-то тайном... Неужели отец утаил от своей младшей дочери ещё что-то, кроме того похищения сидами?

– Какой уговор? – ухмыльнулся наигранно отец, взгляд его стал жёстким и злым, но Эйлин видела – не они тому причина. – Нет никакого уговора, и не было! Тринадцать лет я ждать не стану. Я ничего им не обещал. И отдавать своё не намерен. Мою дочь не уведут в лес!

– В Лес? Уведут в Лес? – вот теперь Лина не выдержала, вцепилась в его руку. – Папа, ты о чём? Какие тринадцать лет?

Отец посмотрел на неё так устало и тоскливо.

– Они... отдали мне тебя лишь на тринадцать лет, – со вздохом признался Джерард. – А потом обещали вернуться и забрать обратно в Зачарованный Лес. Вот тот самый... чудовище в тёмном плаще, что привиделось тебе сегодня во сне... он и обещал. Но ничего у этой твари не выйдет!

Эйлин показалось, что её ударили. Очень сильно, в грудь, так, что вышибло воздух. Она растерянно хлопала глазами, пытаясь уложить в голове то, что услышала.

Ей так и хотелось вскочить и, топнув ногой, закричать на весь дом: «И как долго вы собирались молчать об этом?».

Обманщики! Скрыть такое! Как так можно?!

Кулаки невольно сжались, пальцы Лины смяли тонкую ткань передника, и она мгновенно прикусила язык...

Значит, обманщики... А сама ты тогда кто? Притворщица и врушка.

Про незабудки промолчала, да и про свой сон наверняка бы тоже рассказывать не стала. Вполне возможно, что и след на окне никому бы не стала показывать, если бы Мора не увидела сама...

Выказывать свою обиду сразу расхотелось.

А через мгновение Эйлин о ней и вовсе забыла, потому что свой гнев решила вдруг выплеснуть Мора.

Всегда спокойная и послушная сестрица вдруг вскочила с лавки совсем так, как хотелось самой Эйлин. Лицо её покраснело, пошло пятнами, глаза засверкали от слёз.

– Я никуда не поеду! – горько выкрикнула она. – Делайте что хотите – я останусь в Нокдагли!

И, развернувшись, со слезами бросилась прочь из дома.

– Мора! Вернись! – успел крикнуть отец, но той уже и след простыл.

Он в недоумении обернулся к Эйлин.

– Чего это она? Над чем тут реветь? Что её тут так держит?

Эйлин вздохнула и покачала головой – эти взрослые над детьми порой посмеиваются, а сами перед своим носом ничего не замечают.

– Ох, папа! – печально усмехнулась Лина. – Ну что её может держать? Любовь, конечно...

10 Сны на рассвете

Немногим ранее...

Эйлин

Стирать бельё все ходили на берег Даглы.

И Эйлин с Морой, разумеется, тоже. Идти до реки с корзинами было неудобно, а обратно, с мокрым бельём, и вовсе тяжело, но так делали все. И сёстры тоже.

Вообще-то Дагла у них, можно сказать, за изгородью протекала, но здесь, у самого Леса, никому бы и в голову не пришло заниматься такими будничными делами, как стирка, рыбалка или мытье посуды. Здесь этот чарующий мрачноватый поток в тени вековых деревьев служил границей – Чертой.

А вот там, где река, извиваясь причудливо, сонно ползла по зелёному пойменному лугу, укутав берега в буйных порослях ивы, лещины и рогоза, вот там и кипела деревенская жизнь.

Сюда нынче и отправились сёстры.

Пока дотащили свои корзины, от жары взмокли. У Лины ноша была поменьше и полегче, но ей и того хватило. А от реки веяло сыростью и манящей прохладой...

Не раздумывая, Эйлин бросила бельё на деревянном помосте, где уже расположилась Мора, и, подтянув повыше юбку, с разбега заскочила в воду. Сверкающие брызги полетели в разные стороны, испуганная стайка мальков прыснула

прочь от берега, а Эйлин рассмеялась счастливо. Набрав в пригоршню воды, она ополоснула лицо и шею, тряхнула волосами.

Какая благодать! Эйлин так любила лето и солнце! Недавно отец прозвал её «солнышком» — за её медные курчавые локоны и весёлый нрав.

Реку Лина тоже любила — ей нравилось слушать голос реки вечерами — певучий, завораживающий шёпот волн, будто Дагла пела колыбельную, а днём ей нравилось любоваться игривыми озорными струями, искрящимися на солнце. И, конечно, Эйлин любила окунуться в эти прозрачные, чуть зеленоватые волны, почувствовать кожей их мягкую прохладу, стать на время частью этой могущественной силы, что день и ночь неустанно бежала и бежала вперёд.

Но в этот раз радость была недолгой...

Мора, конечно, сразу же недовольно поджала губы — весь её вид, как всегда чрезмерно серьёзный, без слов говорил — опять у тебя одно баловство в голове, иди лучше делом займись! К тому, что сестрица не умеет веселиться и вечно ворчит, как старушка, Эйлин давно привыкла, и таким её было не пронять. Даже самые красноречивые взгляды Моря не испортили бы ей настроения.

Но тут до слуха Эйлин долетело нечто такое, что она даже оступилась и едва не плюхнулась на попу.

В нескольких шагах от них, на другом деревянном помосте, занималась стиркой Пег с парочкой своих подружек. Из

всех деревенских задир Пегги была самой противной, и тут, конечно, не смогла промолчать.

– Только гляньте, кто явился! Мэри, отойди-ка подальше, а то ещё запачкают твоё бельё!

– Запачкают? – растерянно переспросила та самая Мэри, явно не понимая злую шутку Пегги.

– Конечно! Одна – дочь ведьмы, другая – дочь потаскухи... Представляешь, сколько от них грязи!

– Что ты сказала?! – рассвирепела Эйлин.

Подтянув мокрую юбку повыше, она грозно двинулась на оскорбившую их девицу.

Пегги была старше, на голову выше и в два раза шире, но сейчас это точно не остановило бы Лину. Один взгляд на покрасневшую Мору, у которой слёзы заблестели на глазах – и в Эйлин слово вселился злобный дух. Как ей хотелось сейчас отделать хорошенько эту зазнайку Пег!

– Грязь здесь только от тебя и твоего ядовитого языка! – вернула ей любезность Лина.

– А ты свой змеиный язык вообще держи за зубами, соплячка! – лицо Пегги пошло красными пятнами. – А не то я тебе его вырву. Тут наше место! Идите отсюда!

– Не нравится – сама проваливай! – зашипела Лина.

Мери и Кэт – подружки этой злючки – тоже что-то там поддакивали.

– Прекратите, девочки! – это уже сестрица попыталась встать между ними. – Пег, мы же тебя не трогали, ты чего?

Мора всегда была тихой и робкой, и перепалка её напугала. Она попыталась утихомирить покрасневших от злости девчонок, но не тут-то было. Пегги лишь сделала вид, что готова отступить.

– А чего эта безумная на меня кидается? Мы тут первые сидели. Вот и проваливайте!

– Мы никуда не пойдём. Река одна для всех, – твердо сказала Мора, хоть губы у неё и дрожали.

Потом взяла Лину за руку и вернулась к своим корзинам. Эйлин хоть и пыхтела от гнева, всё-таки взялась ей помогать. Но злобной Пегги всё было мало...

Мора уже постирала часть вещей, отложила их в сторону на доски у самого берега, а эта злыдня, проходя мимо, нарочно шаркнула по пыльной дорожке и засыпала их песком и каменной крошкой.

– Ах, ты! – снова подскочила Эйлин.

Терпение её кончилось. И Лина, зачерпнув пригоршню ила, швырнула грязь прямо в Пегги. Мокрое серо-коричневое пятно расплзлось по юбке задиры. Пег заблажила так, будто её ошпарили кипятком. Лицо её жутко перекосило.

Ух! Кажется, быть драке...

Эйлин уже представила, чем всё это закончится. Её не очень пугали синяки, ссадины и вырванные волосы, но вот что потом будет дома... Отец такой нагоняй даст обеим! Ужас!

Испугаться как следует Лина так и не успела, внезапно

между девицами, готовыми наброситься друг на друга, пронёсся, осыпав их брызгами, шальной гневой жеребец. Пегги отскочила испуганно, да и Эйлин с Морой попятнулись. А конь остановился рядом, фыркнул, довольный своими проказами и свежестью воды.

На нём без седла и узды, только лишь обхватив крутые бока босыми ногами, красовался Эхри. Видно, решил искупать своего коня. Он был без рубахи, в одних штанах, и блестящие капельки скатывались по загорелой смуглой коже.

Даже Эйлин на миг засмотрелась. Он, конечно, уже старый, ровесник Моря, но всё равно хорош.

А уж другие девчонки при появлении Эхри вмиг забыли про ссору. Красивый статный юноша сразу завладел их вниманием.

Он развернул коня, улыбнулся чуть насмешливо.

– Что тут у вас за шум? Будто стая гусей галдела...

– Ага, гуси... Погалдели, погалдели, и улетели... – ответила Пег Эхри, при этом улыбаясь так глупо и смешно.

– Ах, вот как! – хмыкнул он, и тоже улыбнулся, но одарил задиру таким ледяным взглядом, что даже Эйлин поёжилась. – Тогда... ладно. Пусть галдят, пусть летают... Лишь бы никого не щипали! А то, знаешь, злых гусынь никто не любит... С ними разговор короткий – ощипать, да и в суп!

Лина видела, как его светлый взгляд, пока он говорил, внимательно прошёлся по всем участницам ссоры – он от-

метил и отвратительное пятно на юбке Пег, и её всклокоченный вид, и запачканное белье сестёр, и покрасневшие щеки Моря, и даже то, что глаза у старшей на мокром месте.

— Ладно, красавицы, вижу, вы делом заняты, не стану отвлекать... — Эхри снова улыбнулся. — А тут, рядышком с вами, Ветра пока искупаю. Отойду только чуток, чтобы воду не мутить. Заодно и пригляжу за вами... — Теперь взгляд его встретился со взглядом Моря, и та, краснея, отвела глаза, но Эхри уже снова глядел прямо в лицо Пег. — А то вдруг... гуси обратно прилетят, мешать вам станут...

Пегги поджала губы и шумно вздохнула. Ей явно хотелось сказать ещё какую-нибудь гадость, но при красавчике Эхри она на это никак не могла решиться.

В конце концов, злыдня вернулась к своим тряпкам, и подружки, словно хвостики, последовали за ней.

Мора и Эйлин тоже взялись за свою стирку — теперь из-за этой змеюки Пег нужно было начинать всё сначала.

Чуть в стороне, зайдя по колено в воду, Эхри чистил своего жеребца. Ветер время от времени фыркал игриво, мотал головой и топал передней ногой, поднимая фонтан брызг. Эхри бранил его шутливо, гладил по бархатным ноздрям и заботливо вычищал репы из гривы.

А Эйлин то и дело косилась на них.

Ох, как же хорош этот конь-огонь! Как лоснятся его бока, крутая шея гнётся дугой... Сказка!

Поймав её восхищённый взгляд, Эхри подмигнул, и Эй-

лин сразу надулась и отвернулась. Ещё решит, что она тоже на него пялится, как эта дурёха Пегги.

Правда, отворачиваясь, она успела заметить, что тот ещё и улыбнулся, сверкнув зубами, но улыбнулся он уже не Лине. Она перевела свой взгляд на сестру...

И только сейчас поняла, что Мора тоже поглядывала тайком в сторону юноши и жеребца. Вот только старшая точно не коня разглядывала.

И сейчас, когда Эхри сестрицу разоблачил и заметил её интерес, Мора смутилась и покраснела, как спелое яблочко.

– Пойдём отсюда! – прошептала она, хватая Эйлин за руку.

– Куда? – изумилась Лина, вытаращив глаза.

– Туда... подальше... вон там, на камнях, достигаем... – шёпотом ответила Авонмора, не поднимая глаз и спешно скидывая в корзину мокрые тряпки.

– Нет, нельзя уходить, – Эйлин гневно сдвинула брови и упёрлась так, что сестра её и силой бы не уволокла, – а то *эти* решат, что мы трусили... И снова будут нас задирать.

– Мне всё равно на них, – фыркнула Мора, щёки её загорелись ещё сильнее. – Пойдём! Пожалуйста!

Против такой мольбы Эйлин была бессильна. Она послушно подхватила вторую корзину и, недоумевая, побрела следом за сестрой прямо по мелководу. И только почувствовав взгляд в спину и обернувшись, Лина поняла, что ушли они из-за Эхри – а тот сейчас смотрел вслед Море так

растерянно и немножко... грустно.

Эйлин нахмурилась. Что всё это значит? Что за странные *переглядки* у старшей и этого загорелого дядьки?

Неужели он Море нравится? Нет, быть не может! Авон-мора вообще про любовь никогда не говорит, всё работает и работает, как пчёлка. Вот и сейчас снова за стирку взялась, разложив на камнях тряпки.

Пегги и её свора всё ещё косились в сторону сестёр, но помалкивали. И дело наконец пошло споро.

Негромко всплеснула вода за спиной, Эйлин обернулась и с удивлением увидела всё того же Эхри. Он неторопливо приблизился, будто бы случайно, делал вид, что просто следует за Ветром. Остановился в шагах пяти от них.

Мора бросила на него беглый взгляд и ещё усерднее взялась тереть мокрую отцовскую рубашу.

Красавчик смущённо мялся рядом – ещё бы... не привык, чтобы его так упрямо не замечали!

– Они вас... не обидели? – наконец спросил Эхри.

И хоть глядел он исключительно на Мору, ответила ему Эйлин.

Уперев руки в бока, она вскинула подбородок, задрала голову и фыркнула:

– Вот ещё! Мы за себя постоять можем. Обидели... Конечно, эта змея Пег наговорила нам гадостей! Будто это и так неясно. Но мы тоже в долгу не остались. А если бы она меня или Мору хоть пальцем тронула, я бы ей так задала!

– О, не сомневаюсь! – звонко рассмеялся Эхри, и Лина улыбнулась невольно – а хороший у него смех, весёлый, незлой. – С тобой, рыжая кроха, даже я поостерёгся бы связываться! А вот сестра твоя... – светлый взгляд Эхри снова скользнул к Море, – так не может...

– Ты что это... хочешь сказать, что моя сестра... рохля? – возмущённо вспыхнула Эйлин.

Кулачки её сразу сжались – она была готова и на этого *великана* наброситься – пусть знает, как обижать Мору.

– Никакая она не рохля! Скажешь тоже! – не менее возмущённо фыркнул Эхри. И вдруг добавил тихо: – Она просто... другая... Мягкая, спокойная... нежная...

Эйлин удивлённо вскинула брови, посмотрела на покрасневшую сестру, которая усиленно прятала глаза, будто они вовсе не про неё говорили.

А Эхри продолжал, словно замороженный разглядывая залившееся краской лицо Моря, русый локон, выбившийся из косы – в свете солнца он казался золотисто-медовым, облепившую ноги мокрую юбку:

– Это ты, малявка рыжая, как лесной пожар, а сестра твоя... она... как эта река... Тихая, кроткая, сдержанная... Но разве не в этом её сила? Эти безмятежные воды питают наши поля и луга, благодаря им существует Нокдагли, и все мы живём здесь. Эта река... как сама жизнь. Это и есть истинное *величие*! Понимаешь?

– Ого! – Эйлин перевела взгляд с юноши на Мору, и об-

ратно. Ей стоило больших усилий не расхохотаться. – Как запел-то! Ты что, Эхри, никак в барды решил податься?

– Ничего ты не понимаешь, мелкая! – сокрушённо покачал головой осмеянный «поэт». – Видно, не доросла ещё!

Эйлин хотела сказать, что она уже взрослая, но её вдруг резко одёрнула сестра.

– Хватит болтать, Лина! Идём домой!

Мора схватила большую корзину и, не поднимая взгляд, буркнула:

– До свидания, Эхри.

Но не тут-то было...

В одно мгновение он оказался рядом и, мягко отстранив старшую, забрал у неё из рук тяжёлую плетёнку с мокрым бельём, мимолётно коснувшись её ладони.

– Я донесу, – просто сказал он. Не спрашивая, а непрерываемо сообщая то, что уже решил. – Тяжело ведь таскать...

– Не надо, – вспыхнула, словно мак, и без того красная Мора, – я давно привыкла сама...

– Так отвыкай! – Эхри улыбнулся и зашагал по тропинке к их дому, оглянулся через пару-тройку шагов. – Мелкой лучше помощи, а то её из-за корзины не видно.

Ноша Эйлин была в два раза легче – она бы и одна её дотащила, а уж вдвоём с сестрой... Просто прогулка, а не тяжёлая работа!

Глядя сзади на широкую спину Эхри, Лина всю дорогу до

дома размышляла о том, что не такой уж он и старый, и не задирается, как другие... И конь у него самый красивый в Нокдагли...

И как хорошо бы вышло, если бы Эхри позвал Мору замуж, тогда Эйлин непременно выпросила бы у будущего родственника хоть разок прокатиться на его чудесном Ветре.

11 Сны на рассвете

Эйлин

– Стало быть, вот оно как... – отец сидел, подперев голову рукой, и задумчиво потирал лоб, словно так ему было легче думать. – И ты уверена, что он Море по душе, этот Эхри? Она сама тебе сказала?

– Ой, папа! – Эйлин скорчила забавную рожицу. – Ничего она не говорила. Ты же знаешь нашу Мору! Та ещё молчунья, слова не вытянуть. Она только фыркает на все расспросы и машет на меня руками, но при этом так краснеет, что сразу всё ясно. Даже не сомневайся – она точно влюбилась!

– А, может, тебе просто показалось... Ты у меня та ещё выдумщица, – добродушно усмехнулся отец. – Не могла ты эту любовь придумать?

– Папа! – вспыхнула Эйлин и вот теперь уже поджала губы, всем своим видом показывая, как её обижают подобные сомнения.

– Ну... просто... – тот потёр лоб, – ежели Эхри Море нравится, и она ему, как ты говоришь, чего же тогда жених не идёт за невестой, а? Засматриваться на красивую девку – это одно, а вот в дом свой взять и жизнь прожить – совсем другое. Может, не такая уж любовь у того Эхри, как думаешь?

Эйлин только пожала плечами.

Кто их разберёт этих женихов... Мальчишки все какие-то

глупые. Может, они и старые тоже не умнеют. Может, Эхри и не понимает, что Мору надо скорее замуж звать и любить сильно-сильно, потому что она очень хорошая и добрая.

О! А вдруг он, как и папа, сомневается, что сестрица его любит? Мора ведь ничего ему тогда не сказала, всё глаза прячет, стесняется.

Эйлин даже испугалась этих мыслей. Но в голову мгновенно пришла замечательная идея – надо найти срочно Эхри и сказать ему, чтобы уже приходил скорее к Море. Как лучше эту задумку осуществить, Эйлин хорошенько продумать не успела.

Отец снова заговорил, будто размышляя вслух:

– Эхри – паренёк видный, работающий. Да и земля уже своя есть. Отец-то ему славный надел отдал у Заячьего лога. Да оно и понятно – один сын в семье, остальные девки, кому ещё добро передавать. И скот у него хороший. Даже жеребец есть собственный.

При этих словах отца, Эйлин лишь завистливо вздохнула.

– А Мора... – отец тоже вздохнул, но не завистливо, а устало и грустно. – Нет, Мора у нас, конечно, тоже хороша – хозяйственная, приветливая, умная. Да и красивая, что уж говорить! Такую жену ещё поискать надо. Но и за таким-то женихом все девки в Нокдагли небось бегают. Захочет ли он Мору брать?

– Наша Мора лучше всех! – вздёрнув нос, заявила Эйлин.

По сердечку так и царапнуло, что отец усомнился в том,

достойна ли старшая такого мужа, как Эхри.

Но отец тотчас разъяснил, что имел в виду.

– Мора-то хороша, да слава ей дурная досталась. Много гадостей про семью нашу болтают. И виноват в этом, конечно, только я. А достаётся теперь и вам. Знаю ведь, хоть и не жалуетесь, как кумушки деревенские за спиной у вас шепчутся. Ты уже большая, Лина, тоже всё понимаешь... Молва... она такая... как смола – прилипнет, не отмоешься. Не знаю, у кого в Нокдагли хватит храбрости тебя или Авонмору замуж взять. И вот поэтому нам бы тоже надобно уехать отсюда. Там, где про нас ничего не знают, и жить будет легче. Да, без земли, конечно, тяжело – это и дураку понятно. Но как-нибудь прокормились бы... Зато никто бы сплетни не распускал. А там, глядишь, и мужья достойные таких красавиц нашлись бы. Уехать было бы хорошо, – снова повторил отец и тяжело вздохнул. – Да, видно, не судьба! Куда же мы теперь поедem, раз тут такое дело... Придётся задержаться. И сперва Мору нашу пристроить. А уж когда будем знать, что она в надёжных руках, вот тогда и в путь с тобой отправимся.

– Одни? Без Моры? – ужаснулась Эйлин.

В горле сразу запершило, в глазах поплыло от слёз.

– Лина... – отец сжал её руку и продолжил терпеливо, – твоя сестра уже совсем выросла, пора ей свою семью иметь. Другие девицы и раньше её замуж выходят, а она тут с нами нянчится. Она вместо матери родной тебе всегда была. И я

ей за то безмерно благодарен. Но жизнь идёт, годы летят... У неё свои дети должны быть, свой дом, где она хозяйкой будет по-настоящему. Нельзя же её этой радости лишать. Если бы мы тут остались, не пришлось бы прощаться. Ходила бы в гости к ней, и она к нам. И коли она с нами уехала бы, тоже. А так... Ну, что поделать?

Эйлин только всхлипнула и понимающе кивнула. На душе стало так тоскливо, что даже заманчивая возможность прокатиться на Ветре уже её почти не радовала.

– Да ты не расстраивайся, милая! Может, всё ещё как-то само собой наладится. Ещё немного время потянем, вдруг отстанут от нас эти твари из Леса. И никуда уезжать не придётся. Ты только осторожнее будь, солнышко – к Лесу близко одна не ходи! А Мора... Как знать... Может, и Мора ещё от своего Эхри отступится...

Эйлин вдруг вытянула шею, изумлённо глядя за спину отца, в окно.

– Нет, папа, не отступится... Ты посмотри только! Это же он, Эхри! К нам идёт...

12 Сны на рассвете

Мора

Она выскочила из дома и бросилась прочь, сама не зная, куда и зачем бежала. Слёзы застилали глаза. На шее словно петлю затянули, так саднило внутри, так болезненно сдавило грудь и горло, что ни вдохнуть толком не получалось, ни разрыдаться.

В отчаянии Мора бросилась к реке – не туда, где она плескалась почти сразу за воротами, где ненавистный Лес подступал так близко, и, разумеется, не туда, где обычно толпились все деревенские. А туда, где никто её не увидит, не найдёт.

Она бежала, не разбирая дороги, проскальзывая между гибких ветвей ивовых зарослей, пока не выскочила на пологий берег. Здесь нередко поили скот, и узоры всевозможных копыт разукрасили утопанную землю.

Мора посмотрела на тягучие сонные воды, такие тёмные, такие спокойные, такие безразличные к людским бедам, и наконец-то разрыдалась безутешно.

Опустившись на старый кряжистый пенёк, потемневший от сырости и времени, она всё плакала и плакала, но слёз не становилось меньше.

«Сестра твоя... как эта река... Тихая, кроткая, сдержанная... Но разве не в этом её сила?»

Сила? Нет в ней никакой силы!

Слабачка и трусиха. Разве она посмеет послушаться отца? Да никогда!

Вместо того чтобы бороться за своё, она позорно сбежала. Сейчас поревёт...и пойдёт собирать вещи в дорогу. И не упрекнёт младшую ни словом, и даже вздохом не покажет отцу, что своим решением он вырвал ей душу.

Разве могла она представить, что вся её жизнь, все её мечты и надежды будут уничтожены вот так – за один день, за один миг, парой слов. Она понимала, что у Джерарда нет выбора, понимала, что надо спасать Лину, что жизнь сестрёнки важнее, чем какая-то там любовь, которой и нет вовсе, которую она сама себе придумала.

Но как же сейчас хотелось быть от тоски и безнадёжности. Мора уже давно не была ребёнком – пришлось повзрослеть рано, и в облаках она никогда не витала. А потому прекрасно понимала, что она совсем не пара Эхри.

Он ведь вон какой – глаз не оторвать! Сердце замирает в груди от одного светлого взгляда, будто к весенним небесам голову поднимаешь. А эти плечи, спина... когда он так жестоко разгуливает без рубахи у реки или на покосе!

Мора краснела от одних лишь воспоминаний о нём, и странные, непривычные ощущения расползались по юному телу, скручивая жилы в узлы пугающих, тайных желаний.

Каждый вечер, засыпая, она вспоминала о нём – любое мгновение рядом, случайная встреча, мимолётный взгляд – всё это было для неё дороже любых сокровищ мира. Закры-

вая глаза, она мысленно желала ему доброй ночи и представляла, как он обнимет её своими горячими, сильными руками. Отчего-то Авонмора была уверена, что ладони у него горячие. И ей самой становилось нестерпимо жарко от этих мыслей. И казалось, что он, и правда, лежит рядом, и она чувствует его осторожные, ласковые прикосновения.

Но не только в стати его и красоте видела Мора особую прелесть...

Она чувствовала, что сердце у него доброе, справедливое. Не в первый раз уже Эхри вступался за неё, сам не ведая, какой счастливой делал в этот миг. Она была готова стерпеть любые насмешки ради того, чтобы он снова её защищал, оберегал от задир.

А ещё Эхри умён – к нему с уважением относились и друзья-ровесники, и многие старшие мужчины. В руках его любое дело спорилось. А как он танцевал и пел на праздниках...

Пожалуй, у него вовсе не было никаких недостатков, или это Мора их замечать не желала. Ведь когда любишь всей душой, и недостатки превращаются в достоинства.

А в том, что она любит Эхри, Мора нисколько не сомневалась.

Как не сомневалась и в том, что им никогда не быть вместе.

Куда ей до него? Она ведь самая обычная: фигура как фигура – не толстая, не худая, обычное лицо, ещё и с веснуш-

ками, обычные серые глаза, и волосы просто русые. Не такая яркая, как Эйлин – вот та будет настоящей красавицей уже через пару лет, не такая бойкая, как противная Пегги, у неё нет такой пышной груди, как у первой деревенской красотки Кейтлин.

А ещё про неё болтают столько гадостей, что остаётся только удивляться, как у сплетников ещё мозоли на языках не вскочили. Сколько лет уж нет её матери в Нокдагли, а молва всё не утихает. Да и про вторую жену отца тоже поговорить любят. Все знают, что в доме Джерарда нечисто.

Так зачем Эхри такая невеста? Чтобы и про него болтать стали?

Нет, конечно, он никогда не позовёт её замуж.

Но Мора с этим давно смирилась.

Хотя порой, когда изредка встречались их взгляды, Авон-море чудилась в его небесных глазах такая затаённая нежность, что сердце сразу билось в груди пугливой птичкой, и так хотелось поверить в невозможное. В то, что и он хоть чуточку тоже любит её.

И всё-таки Море вполне хватало для счастья и того, что она видела его почти каждый день, слышала его чарующий голос и смех, а иногда он даже улыбался ей или говорил что-то.

А в самые невероятные дни случалось что-то такое... вот как тогда, на реке... когда он сам заговорил с ними, и даже помог донести тяжёлую корзину.

Она была готова довольствоваться этими крохами счастья.

Но судьба решила отобрать и их...

Как же это жестоко!

Они уедут из Нокдагли, и она навсегда потеряет Эхри.

Пусть он никогда и не был её Эхри. Но теперь... она лишится последней радости, что ещё была у неё.

Никогда больше он не улыбнётся ей, никогда она не узнает, как умеют обнимать его сильные, горячие руки. Он не подарит ей ни одного поцелуя. Она проживёт всю свою жизнь в одиночестве, не в силах забыть свою первую любовь. У неё никогда не будет сына с глазами цвета неба.

Её ждёт пустая, тусклая жизнь, лишённая солнца по имени Эхри...

Зашумели кусты слева, и Мора испуганно подняла голову – только бы это была чья-то коза или хрюшка. Лишь бы никто не застал её тут в слезах, с красным лицом и дрожащими губами!

Она ведь сбежала, чтобы никто не видел её унижительной слабости.

Но этот шелест в ивах это точно не ветерок – кто-то идёт...

Мора попыталась выровнять дыхание и стереть слёзы, хоть это и было почти бесполезно.

Она ожидала чего угодно, но только не того, что случилось через мгновение.

Хлёсткие ветви с длинными узкими листьями расступились, и из них вынырнул Эхри.

Мора, онемев, глядела на него. А задумчивый юноша даже не сразу увидел её, сидящую на пне.

Но заметив, встал как вкопанный, изумлённо распахнул свои невероятные глаза.

– Мора... – удивлённо выдохнул он, и её собственное имя, слетевшее с *его* языка, рассыпалось мурашками по коже. – Ты чего здесь? Тебя обидел кто-то?

Он вмиг оказался рядом, с тревогой заглянул в её заплаканное лицо.

Но Авонмора не в силах была сейчас ответить, только смотрела так, будто от него зависела её жизнь. Вот уйди он сейчас, и сердце её разорвётся в то же мгновение!

Всё-таки верно говорят, что жизнь идёт по кругу, всё повторяется снова...

Двадцать лет назад, здесь, на берегу, ровно на этом месте, вот также сидела её заплаканная мать, а растерянный Джерард задавал ей такой же вопрос, почти слово в слово...

Но Мора об этом, конечно, знать не могла. И Эхри тоже. Здесь и сейчас они творили свою собственную судьбу.

– Ты почему плачешь? Снова Пегги?

Брови Эхри гневно сдвинулись к переносице, а рука... неожиданно коснулась волос Мора.

И она вовсе забыла, что умеет разговаривать, и что нужно ему ответить. Его пальцы скользили по её голове так ласково, осторожно, мягко... Мора даже не думала, что такими большими, сильными руками можно прикасаться *так*! Казалось, ещё мгновение, и она замурлычет под этой тёплой ладонью.

Но вместо этого она тихонько всхлипнула и безмолвно покачала головой.

– Тогда кто? – не отступил Эхри. – Ты только скажи! Я им всем устрою...

Он вскинул подбородок, готовый хоть сейчас в бой. В бой за её честь!

Подумать только! Так ведь только в сказках бывает или песнях.

На сердце вдруг стало так светло и легко, благодарность и нежность изгнали прочь и отчаяние, и горечь.

– Вряд ли ты станешь драться с моим отцом... – улыбнулась она робко.

Эхри удивлённо отпрянул, растерянно захлопал ресницами, а потом, снова нахмурившись, пробурчал:

– Так это Джерард тебя обидел? Нет, с ним, конечно, не буду... – а потом снова вскинул взгляд и поспешно добавил, – но и ему не позволю! Я с ним поговорю. По-мужски. Пусть знает, что за тебя есть кому заступиться...

– Мы уезжаем, – выпалила Мора и судорожно вздохнула.

– Что?

Эхри рухнул к её ногам – опустился на колени, прямо на

землю, не заботясь о чистоте одежды. Смотрел изумлённо прямо в лицо. Море даже показалось, что он немного побледнел.

– Уезжаем из Нокдагли, – со вздохом повторила она. – Насовсем. Отец так решил. Сегодня.

– Что-то случилось... – понял Эхри.

Он наконец-то вышел из оцепенения и даже голову понурил.

– Да... Есть причина. Так нужно... Ради Эйлин.

Услыхав имя сестры, Эхри снова поднял голову, посмотрел как-то странно, внимательно, словно размышляя над чем-то.

– Но... если... причина в Эйлин... – он покусывал губы, с трудом подыскивая слова, – то... ты же можешь остаться...

– Я? – растерялась Мора. – Как же я без них?

А дальше...

Она лишь ошеломлённо смотрела, как он вдруг вцепился в её руки, просто утонувшие в его больших жарких ладонях. Авонмора успела рассеянно подумать, что они у Эхри точно такие, как она и думала.

А он, стиснув её пальцы, глядя прямо в глаза, вдруг сказал твёрдо, решительно:

– Не уезжай! Слышишь? Очень прошу! Оставайся, Мора!

– Остаться? – шёпотом повторила она. – Но я же... совсем одна... У меня никого здесь нет...

Это, конечно, было не совсем так. Имелась родня со сто-

роны матери, но они к Море всегда относились хуже некуда.

– У тебя есть я, – сказал вдруг Эхри так спокойно, повзрослому, что Авонмора сразу поверила.

Одна его рука всё ещё удерживала её холодные от волнения пальцы, а другая потянулась к лицу Моря. Он заправил за ушко светлую прядь, провел, едва касаясь, пальцами по её щеке, осторожно стирая слёзы.

– Выйдешь за меня? – у него даже голос не дрогнул, а Море почудилось, что в груди вспыхнуло что-то яркое и жаркое, как солнце в полдень.

Мора не могла ответить, язык не слушался, а он ждал терпеливо, лишь руки дрожали чуть-чуть, едва уловимо, но она это чувствовала. Она и сама дрожала.

А Эхри ждал, и взгляд не отводил...

И было в этих светлых глазах столько надежды и нежности, что она снова поверила.

Улыбнулась смущённо и просто кивнула.

– Мо-о-о-р-а-а-а... – протянул он восхищённо.

На лице Эхре расцвела такая счастливая улыбка, что он сделался ещё красивее, чем всегда. А Мора подумала, что она готова любить его всю жизнь за одни только эти ямочки на щеках.

Как это всё похоже на сон... Он рядом, держит её за руки, говорит с ней, улыбается...

И... теперь она его *невеста*... Она невеста Эхри? Разве такое возможно?

Мора совершенно потерялась от нахлынувших чувств, и даже не сразу поняла, что происходит, когда вторая рука Эхри тоже коснулась её щеки.

Он взял её лицо в свои ладони, нежно поглаживая кончиками пальцев, потянулся к ней, и быстро, не дав опомниться, сбежать или отвернуться, коснулся губами её губ, едва-едва.

Мора ахнула изумлённо, тем самым приоткрыв ротик, и тотчас почувствовала, как губы Эхри становятся настойчивее, а поцелуй всё жарче. Он не спешил отпустить её, нежно терзая губы, запуская пальцы в волосы, прильнув так близко горячей мощной грудью.

А она робко гладила его шею и плечи, неумело отвечая его губам, но с каждым мгновением наслаждаясь всё больше впервые познанным чудом. Ведь первый поцелуй любви – это настоящее чудо.

Дыхание сбивалось, сердце заходило в груди, колени дрожали, голова шла кругом...

Мора так боялась, что сейчас просто лишится чувств, или снова расплчется от разрывавшего душу ощущения безграничного счастья, или сделает что-то не так...

Но Эхри, отстранившись наконец, посмотрел на неё с таким искренним восторгом, что Авонмора сразу поняла – Эхри тоже понравилось целоваться. Глаза его сияли.

– Мо-о-о-ра, – шепнул он, опьяненный счастьем, снова взяв её лицо в ладони, замерев совсем рядом – глаза в глаза, – какая же ты нежная, красавица моя! Ла-а-а-сковая... Ну

точь-в-точь котёнок!

Он прижался лбом к её лбу.

– Как же я люблю тебя!

Мора всё-таки не сдержала слёз. Всклипнула, осмелев, погладила его по чуть колючей щеке.

– А я люблю тебя...

– Правда? – Эхри снова улыбнулся ярче солнца, фыркнув, смущённо растрепал волосы. – А я так боялся, что откажешь! Чуть счастье своё не упустил! Лугнасада[1] хотел дожждаться... Надеялся, может, хоть в праздник согласишься. А то ведь, казалось, ты и смотреть в мою сторону не хотела...

– Не хотела? – ахнула совершенно искренне Мора. – Да я просто не смела! Я думала, ты меня и не замечаешь даже...

– Как же тебя не замечать можно? – умилённо покачал он головой. Затих, глядя неотрывно в глаза, потом шепнул чуть хрипло: – Красавица моя! Давно никого, кроме тебя, не вижу... Обещаю – никогда не пожалеешь, что моей стать согласилась! Мора, нежная моя...

На второй поцелуй она уже сама откликнулась, сразу. Охотно льнула к его губам, зарывалась ослабевшими пальцами в волосы, таяла в его крепких объятиях, с изумлением осознавая, что всё это не волшебный сон, который исчезнет с рассветом, что Эхри – настоящий.

И он теперь... *её Эхри!*

А любимый оторвался с трудом от её губ, вздохнул шумно

и резко поднялся в полный рост.

– Идём!

– Куда? – Мора растерянно смотрела на протянутую руку.

Авонмора за ним бы и на край света пошла, и даже в Зачарованный Лес, но голова до сих пор кружилась от поцелуя, и она не могла понять, что задумал любимый.

– К Джерарду, конечно! – пожал плечами Эхри.

– Ой, – подскочила испуганно Мора, – а может... не надо сейчас...

– А когда же? – благодушно проворчал Эхри. – Когда он тебя отсюда увезёт? Хочешь, чтобы я тебя по всему свету искал?

– А ты бы искал? – краснея, спросила Мора.

Эхри приостановился, крепче сжал её руку, качнул головой.

– Нет, не искал бы! – улыбнулся. – Я не буду тебя искать, Мора, потому что я тебя просто не отпущу. Не могу я тебя потерять, моя нежная! Ты теперь у меня вот здесь, – он приложил руку к груди, – в самом сердце, навсегда...

[1] Праздник первого урожая зерна и «пора свадеб», праздновался в первых числах августа

13 Сны на рассвете

Джерард

Эхри явился не один, а с Морой. Держал её за руку и решительно шёл к дому.

Что ж, выходит, Эйлин поняла всё верно.

Щеки Авонморы, румяные, как яблоки осенью, сказали Джерри больше, чем любые слова и объяснения.

Ох, лишь бы не ошиблась девочка!

Ничего плохого про этого парнишку Джерард припомнить не мог, но сердце всё равно сжалось тревожно, ведь сейчас нужно будет судьбу старшей решать, и как тут всё разглядеть, как выбрать. В своей жизни он уже порядочно ошибок наделал, и так отчаянно хотелось, чтобы хоть у дочерей всё сложилось по-другому.

Вошли они храбро, но потом всё-таки на пороге замешкались. Мора смутилась, глаза опустила в пол. А Эхри быстро взял себя в руки – расправил плечи, поклонился слегка.

– Доброго дня, Джерард! Пусть боги благословят твой дом и твою землю!

Мальчишка держался молодцом, лишь голос чуть дрогнул, но вида не подал, что робеет. Это Джерри определённо нравилось.

– И тебе доброго дня, Эхри! Благодарю. Проходи, присаживайся, угощайся! – Джерард указал на стол.

Мора тотчас метнулась к очагу, но он окликнул её и велел сесть рядом на лавку, а поухаживать за гостем, подмигнув, попросил Эйлин. Младшая с удовольствием взялась строить из себя хозяйшку, но так и поглядывала на сестру и внезапного гостя с лукавой улыбкой – ждала, когда до дела дойдёт. Подав всё, что нужно, Эйлин отошла в сторону, но внимательно слушала.

– Вижу, у тебя ко мне разговор... – Джерри решил не лютовать и помочь немного гостю.

Эхри поспешно кивнул и наконец заговорил:

– Я пришёл говорить о Море... Мне очень нравится твоя дочь. Давно нравится. И я хочу, чтобы она стала мне женой и хозяйкой моего дома. Ты знаешь, Джерард, у меня есть куда привести невесту. У меня есть своя земля, скот. И работы я не боюсь. Отец всему научил. В моём доме она никогда не узнает, что такое голод и нужда. Я буду заботиться о ней. Обещаю! – Эхри вздохнул и выпалил: – Мора сказала, что ты хочешь уехать... А я попросил её остаться. Она... Я её люблю. Не забирай её, позволь остаться здесь, в Нокдагли, со мной, стать мне женой! Благослови нас, прошу!

Джерард не выдержал его прямого пылающего взгляда...

Да, этот мальчишка далеко пойдёт! Очень может быть, что однажды он займёт место старейшины Грейди. Так молод, но знает, чего хочет, и готов за это сражаться.

Это хорошо, очень хорошо. Ведь за Морю ему точно придётся заступаться не раз. Даже став замужней, она не изба-

вится от дурной славы своей матери. Скорее всего, теперь за ней будут следить ещё пристальнее, пытаться очернить, подловить на чём-то. Просто из зависти.

С годами, конечно, сплетни утихнут. Если всё у них с Эхри будет ладно, со временем завистницам надоест, станет скучно болтать. Но это когда ещё будет...

Джерард посмотрел на Мору, скромно притихшую рядом с юношей.

А красивая будет пара! Он, как могучее дерево, прочно держится корнями за родную землю, она рядом с ним кажется тонкой веточкой, былинкой, несмотря на то, что Мору нельзя назвать хрупкой – крепкая, сильная, здоровая девушка, привычная к работе и домашним хлопотам.

Но рядом с ним... какая-то особая женственность и мягкость вдруг проснулась в девочке. Так и льнёт кошкой к плечу Эхри, готова вот-вот коснуться, голову положить. Джерри видел, что лишь его присутствие удерживает этих двоих на расстоянии.

И ведь всё равно под столом руки сплели, держатся друг за друга. Неужто думают, что он этого не замечает?

То, что держатся... это хорошо, это правильно.

– Мора, – окликнул он дочь, и та пугливо распахнула глаза. – Что скажешь? Поверишь ему? Сама слышала – говорит, что любит, что беречь станет. Как думаешь, правду говорит?

– Конечно, – застенчиво улыбнулась она. – Отец, конечно, верю. Я знаю, что Эхри не обманет. Мне так сердце говорит.

– Любишь его? – добродушно усмехнулся Джерард, хотя можно было уже и не спрашивать.

Мора посмотрела на жениха, тот на неё, и оба покраснели, как маки.

– Очень, – тихо призналась она.

Джерард вздохнул и хлебнул из кружки.

– Ну... коли так... ступайте-ка, девчата, во двор, а мы тут с глазу на глаз потолкуем! – велел он.

Мора и Эйлин поспешно подскочили, лица у обеих сразу застыли, как из камня высеченные. Но спорить не стали – ушли.

Эхри тоже напрягся, даже дышать перестал, смотрел выжидающе... Видно, испугался, что Джерард сейчас откажет.

– Знаешь, что я больше всего ненавижу? – издали начал Джерард. – Враньё!

– Я сказал правду, – побледнев, перебил его Эхри. – Могу жизнью поклясться, что я Мору люблю. И не обижу. Я видел, как она сегодня плакала, а я хочу, чтобы она улыбалась. Почему вы мне не верите?

– Разве я сказал, что не верю? – пожал плечами Джерри. – Вот тебе-то сейчас я очень даже верю. Только, Эхри, жизнь прожить не так-то просто. Это тебе не один день помиловаться... Всякое бывает. Ты должен понимать, что легко вам с Морой не будет. Ты знаешь, всякое про нашу семью болтают...

– Мне всё равно! – отрезал Эхри.

– А ведь то, что болтают, правда, – зло хмыкнул Джерри.
– Мать Мора врала мне с самого начала – обманом женила, гуляла от меня с другим, не сказала, что дочь его. Всё это правда, парень! И я её за это ненавижу. За враньё! А ведь я её тоже любил. Сперва. И знаешь, что самое глупое – скажи она мне правду, я взял бы её всё равно, и с дитём, и любил бы, и не попрекнул. Но она опутала меня ложью, и эта ложь убила всё доброе и светлое, что было тогда у меня в душе.

– Мора не её мать! – процедил сквозь зубы Эхри. – Она не такая.

– Она не такая, – кивнул Джерард. – Я рад, что ты это понял. Не знаю, как так вышло, но она не взяла ничего от своей матери и отца. Она добрая, чистая, умная девочка. Она не станет лгать тебе. И будет самой верной и любящей женой, если ты того стоишь. И это хорошо, что ты всё понимаешь. Я прошу лишь об одном – запомни это навсегда! Запомни, что говорил мне сейчас, как её защищал! И когда кто-то станет поливать её грязью, станет на неё наговаривать, очернять в твоих глазах, помни, что Мора – это не её мать! И верь ей, как веришь сейчас!

– Обещаю! – со вздохом кивнул Эхри.

– Знаешь, зачем я всё это говорю тебе? – помолчав, продолжил Джерри. – Моя жизнь с Дервлой началась со вранья. Тебе я такой судьбы не хочу. Поэтому говорю всё, как есть. А уж тебе решать, готов ли ты это принять, готов ли с этим жить. Ты должен понимать, что тебе достанется лучшая жена

на свете, но люди всё равно будут шептаться о ней у тебя за спиной, а кто-то станет надсмехаться в глаза. И прежде чем я скажу, что отдаю тебе Авонмору, спроси себя, готов ли ты мириться с этим, готов ли защищать её всю жизнь от этих нападков? А ещё... то, что болтают про мою младшую дочь, тоже правда. Её мать была из Дивного Народа. И соседи нас побаиваются и обходят стороной не просто так. Ты, конечно, берёшь в свой дом не Эйлин. И вообще, скорее всего, мы с младшей дочерью отсюда всё-таки уедем. Но об этом тебе тоже стоит знать. Не испугаешься связаться с таким семейством? Это ведь опасно. Козни фейри могут коснуться не только Эйлин или меня, но и её родни. Так что... хорошенько подумай, Эхри, на что ты соглашаешься!

– Не надо меня запугивать! Я всё давно решил и не отступлю, – твёрдо заверил Эхри. – Справимся! Я свою жену защитить смогу. А если вам с Эйлин будет помощь нужна, так тоже не откажу. Только мою Мору отдайте! Нет мне жизни без неё. Джерард, если ты её увезешь, я с вами поеду! Следом увяжусь, но не отпущу!

– Ишь ты! Настырный какой! Зачем же мне её увозить, если счастье её здесь. В чужом краю неизвестно ещё, что нас ждёт. А здесь... я буду уверен, что Мора в надёжных руках.

– Так благословляете? – не веря своему счастью, ахнул Эхри.

– Благословляю, – усмехнулся Джерард. – Зови скорее свою невесту обратно в дом!

14 Сны на рассвете

Эйлин

Лина взобралась на изгородь и, усевшись, на широкую жердь, болтала ногами.

Мора стояла рядом, молчала, неотрывно глядя на крыльцо дома. Отсюда им было не видно и не слышно, о чём говорили мужчины, но казалось, старшая и сквозь стены могла разглядеть.

– Не бойся ты так! Всё будет хорошо, – беззаботно завершила Эйлин. – Я сказала папе, что у вас любовь. Он обязательно разрешит вам пожениться...

Мора бросила на неё короткий взгляд и мгновенно покраснела ещё сильнее, прижала ладони к рдеющим щекам.

– Ой! А у вас же, значит, маленький будет! – от осенившей её мысли Эйлин едва не свалилась с забора. – Дашь мне понянчить?

– Э-э-э-йлин! – смутилась окончательно Мора.

– А что такого? Сначала свадьба, потом детки... – Эйлин пожала плечами. – Ой, как же я рада! Можно я тебе косу заплету на свадьбу? И цветами украсим... И попросим у папы новые платья...

– погоди ты, неугомонная! – рассмеялась Мора, но Лина видела, что за смехом она пыталась спрятать волнение. – Ещё ничего не решено...

– Чего там решать? – фыркнула Эйлин. – Раз любовь, надо жениться, и детей надо... А я буду нянькой!

Лина внезапно перестала улыбаться и тяжело вздохнула, напугав этой переменной Мору.

– Если, конечно, мы останемся... – она подняла глаза на сразу погрузневшую сестру. – Мне совсем не хочется уезжать отсюда. Как же мы там где-то с папой будем... без тебя? Неужели я даже не увижу ваших с Эхри деток? И тебя больше не увижу?

– Ой, Лина, не говори так! – всхлипнула Мора и крепко её обняла, прижав к плечу, поцеловала нежно в макушку.

– Мора! Иди скорее!

Старшая выпустила Эйлин из объятий и обернулась на зов.

Эхри стоял на крыльце и улыбался так счастливо, что сомнений не осталось – отец дал согласие.

– Скорее! – снова позвал он.

Мора бросилась к нему, и Лина, конечно, следом... Её никто не звал, но такое пропустить она не могла.

Прежде чем войти в дом, Эхри на мгновение прижал к себе Мору, что-то шепнул и коснулся губами щеки.

Эйлин сперва фыркнула про себя – ох, какие нежности! До чего же смешные эти влюблённые!

Но Мора была сейчас такой счастливой и такой невозможно прекрасной, что насмешничать сразу расхотелось, и даже как-то сердечко защемило.

И, наверное, впервые в жизни, Эйлин захотелось, захотелось нестерпимо сильно, чтобы однажды кто-то посмотрел на неё вот так, как сейчас Эхри смотрел на Мору, чтобы кто-то держал её вот так за руку, и улыбался, улыбался просто оттого, что она улыбается в ответ.

Эйлин смутилась этих странных желаний, рассердилась на саму себя – что за глупости!

Машинально сунув руку в передник, Лина испуганно её отдёргнула, когда пальцы коснулись нежных, чуть влажных от росы соцветий. За всей этой кутерьмой, она и забыла о своей пугающей находке.

Она вздрогнула... Надо избавиться от цветов, и как можно скорее, пока их не увидел отец, или Мора. Хватит и того, что она сегодня всех переполошила сначала странным сном, потом этим жутким следом от когтей. Подумать только, как всё обернулось...

Если бы не этот кошмар на рассвете, Мора, пожалуй, ещё долго бы ждала своего Эхри.

А сейчас Эйлин отстранённо слушала, как отец говорил своё напутственное слово жениху и невесте. Говорил он хорошо – верные слова, добрые, нужные и даже красивые, чего за папой обычно не водилось. Авонмора и её будущий муж слушали внимательно, кивали послушно, а Эйлин вряд ли смогла бы повторить, что произносил отец.

Всё вокруг слово окутало туманом, будто Эйлин снова оказалась в рассветном сне – она потерялась в своих мыслях,

тревогах и радостях.

Что будет теперь? Что их всех ждёт? Мора выйдет за Эхри, и за неё можно будет не переживать. А значит, повода остаться в Нокдагли больше не будет.

Неужели отец увезёт её отсюда? Может быть, он ещё передумает...

Эйлин совершенно не хотелось покидать родную деревню. Поглядеть на мир за её пределами, конечно, было бы интересно, но сейчас мысль об отъезде пугала, даже сердце тянуло болезненно. Словно прочная ниточка связала душу Эйлин и это место – покинуть его казалось невозможным...

Нужно убедить отца, что здесь им нечего бояться. Только как это сделать?

Ведь даже сейчас, в доме, Эйлин чудилось, что она снова слышит шепотки Леса и далёкий, тихий, но такой настойчивый зов, что хотелось прямо сейчас бежать на берег Даглы.

– Родные-то твои... что скажут? Отец знает, что ты жениться решил?

Эйлин словно очнулась от дрёмы и наконец-то стала различать смысл слов отца и Эхри.

– Знает. Я уже говорил с ним, – кивнул спокойно Эхри, но лицо его сразу сделалось пасмурным.

И это заметили все, и на лица Мора и отца тоже набежала тень.

– И?

– Свыкнутся, – Эхри ободряюще улыбнулся невесте. – Ес-

ли им сын дорог, то и новую дочь в семью должны принять.

– Значит, не одобрили выбор твой? – вздохнул отец.

– Они просто ещё не знают, какая Мора, – Эхри потянулся к руке сестрицы, сплёл пальцы. – Ты, Джерард, о том не тревожься! Обидеть её никому не позволю. А полюбить её – полюбят. Дай только срок!

– Пусть будет так! – наконец улыбнулся отец.

– Джерард, а позволь мне с невестой моей погулять немножко? – тотчас попросил Эхри, умоляюще глядя на отца. – Обещаю, скоро верну. И провожу до порога.

– Идите! – благодушно махнул тот. – И смотри мне – целовать только губы, руки до свадьбы не распускать!

Эхри и Мора в ответ на это только смущённо захихикали и поспешили улизнуть поскорее.

– Папа, я тоже скоро вернусь... – не дожидаясь ответа, Эйлин стрелой метнулась на улицу.

Сперва она хотела догнать ушедшую парочку, поглядеть, куда это Эхри повёл сестру, ну и... немного последить за влюблёнными из кустов. А те как раз направлялись на берег Даглы...

Эйлин решила тоже свернуть к реке – в зарослях её будет сложнее заметить.

Но, оказавшись на берегу, она мгновенно забыла про свою глупую затею с подглядыванием.

Эйлин замерла, всматриваясь в завесу изумрудно-зелёных ветвей по ту сторону реки. Лес был тих и неподвижен, слов-

но ветра, что дули в Нокдагли, обходили его стороной. Но Эйлин легко различала шорохи и шелест в его глубине, чувствовала движение жизни в этой сумрачной чаше...

Ей стало не по себе... Мурашки рассыпались по коже.

Эйлин развернулась, готовая сорваться и убежать прочь, но в этот миг в спину ей долетел едва различимый шёпот.

– Эйлин...

На мгновение Лина даже дышать перестала, замерла, как мышка, которую выследил коршун. Этот зов был тих, как лёгкое дуновение ветра, даже не разобрать, чей голос её окликнул – мужчины или женщины. Кто-то другой наверняка решил бы, что ему померещилось.

Но Эйлин не сомневалась – ей не почудилось.

Она чувствовала спиной чужой взгляд. Не враждебный... скорее, пристальный. Но её всё равно пробирал ледяной озноб от одной мысли о том, кто же это мог быть.

Нужно обернуться и посмотреть!

Этот урок Моря Эйлин хорошо запомнила. Если боишься чего-то, стоит просто присмотреться хорошенько – и, скорее всего, окажется, что страхи были напрасны.

Когда в детстве Эйлин мерещилось страшное в темноте, и она боялась засыпать, Мора брала сестру за руку и говорила, мол, давай посмотрим вместе, что там. Так она спасала Эйлин от самых жутких кошмаров.

Если в ночном мраке и скрывались какие-то жуткие чудо-

вища, то все они разбежались и прятались, стоило старшей к ним приблизиться. Каждый раз сёстры находили лишь пустоту и сумрак.

С тех пор Эйлин для себя уяснила, если страшно, нельзя убегать – надо посмотреть в лицо своему страху.

Вот только сейчас не к месту вспомнился её утренний морок: жуткая тёмная тень, чёрный провал капюшона вместо лица, хищная когтистая лапа...

Эйлин едва держалась на ногах – она была уверена, что, обернувшись, увидит этот кошмар наяву. И всё-таки заставила себя развернуться обратно к реке.

Тёмный, неестественно тихий Лес, будто околдованный чарами и уснувший навеки, вставал изумрудной стеной до небес. Негромко шумела неторопливая Дагла. В ней отражались плывущие по небу облака. И больше никого. Берег был пуст.

Эйлин удивлённо хлопала ресницами. Кто же её звал? Кто на неё смотрел?

Она вглядывалась внимательно в каждое дерево, в каждый кустик, по-прежнему чувствуя чьё-то невидимое присутствие. Но на том берегу в ветвях даже птицы или белки не мелькали.

Эйлин вдруг окончательно расхотелось убегать. Ей хотелось разгадать загадки Леса...

Отчего все в деревне бояться этого места и его обитателей?

Она всматривалась в эту зелёную паутину ветвей и узоры листьев и не чувствовала никакой опасности, враждебности, злобы. Страх отступал, сказочная тишина по ту сторону манила в свои объятия.

Странное ощущение просыпалась в душе – Эйлин чудилось, что однажды она уже стояла вот так на этом берегу, смотрела на Лес, а потом...

– Мама... – внезапно позвала она, сначала очень тихо, робко, а потом добавила громче, – мама!

Лес молчал, но сонные ветви едва уловимо качнулись в ответ на её собственный зов.

– Мамочка, ты же там? – глаза защипало, и Эйлин закусила губу, чтобы не расплакаться.

Но уже через несколько мгновений она вытерла слёзы упрямо сжатым кулачком.

– Мама... ты же слышишь? Я знаю, что слышишь. Мамочка... Так хочется тебя увидеть... хотя бы разочек! Может... Ты приходи к нам, ну, хоть на один денёк, приходи!

Эйлин прислушалась к тишине, окинула берег взглядом. В сердце её ещё теплилась надежда, и она даже нашла в себе силы улыбнуться.

– Знаешь, а наша Мора теперь невеста... Эхри сегодня приходил к нам и сказал, что хочет жениться. Не знаю, помнишь ли ты Эхри. Ты не переживай, он хороший, и любит нашу Мору. Я знаю, что ты её тоже любила. Мама... может, ты придёшь на её свадьбу? Сестрица была бы очень рада, и

папа... — она вздохнула. — И я. Ты ведь нас не забыла, правда? Я знаю, что ты не забыла. Ты не могла забыть, не могла! Мама... Ну, ответь же!

Резкий, гортанный крик, похожий на треск сухого дерева, раздался прямо над Эйлин. Она испуганно подпрыгнула на месте, вскинула голову.

На ближайшем дереве, широко раскрыв мощный клюв, сидел огромный ворон. Его чёрные перья лоснились на солнце, слегка топорщились на шее, отчего казалось, что у птицы борода. Склонив голову набок, ворон внимательно рассматривал её, поблескивая тёмным глазом.

— Ты кто такой? Что тебе от меня надо? — нахмурилась Лина. — Я тут с мамой разговаривала, а не с тобой... Ясно! Не стыдно подслушивать?

Он снова пронзительно вскрикнул, и Эйлин непроизвольно попятилась. Припомнила, что утром, в своём странном видении, она тоже слышала ворона.

— Ты чего орёшь? — насупилась она, разозлившись на птицу. — Напугать хочешь? Думаешь, я испугаюсь? А я не боюсь, никого не боюсь! Можешь так и передать этому своему страшили в плаще! Не боюсь я вас... Слышите?

Последние слова, отвернувшись на миг от ворона, она выкрикнула уже Лесу.

— И ваши гадкие подарки мне не нужны! — в сердцах Эйлин вытащила из кармана веточку незабудок и швырнула её в реку.

Тёмная вода подхватила сверкающую нежно-голубую кисть и закружила в потоке.

– Не смейте ко мне приходить! Я никуда с вами не пойду. Я останусь с папой!

Эйлин от досады даже топнула, потом показала язык ворону и со всех ног бросилась к дому.

15 Сны на рассвете

Эйлин

Эйлин ждала, что ночью к ней снова явится какая-нибудь жуть из Леса и спросит за те дерзости, что она наговорила у Даглы.

Но никакие кошмары её больше не побеспокоили – ни во сне, ни наяву. Она сладко спала до рассвета.

А утром пошла, как обычно, открывать ставни...

И обнаружила под окном букетик незабудок.

Тех самых, волшебных, мерцающих серебром. Не одну крохотную веточку, а целый букет! Хорошо ещё, что лежал он на уличном карнизе, а не на подоконнике внутри дома. И хорошо, что его никто не заметил, раньше самой Эйлин.

Она фыркнула и надменно задрала носик. Подхватила небесно-голубые цветочки и легкой бабочкой упорхнула со двора. В этот раз она задерживаться на берегу реки не стала, швырнула букет в тёмный поток, усмехнулась, довольная собой, и без лишних слов убежала обратно.

На второе утро всё повторилось.

Эйлин уже не удивилась. Да и злость давно прошла. Она даже рассмеяться хотела, но поспешно закрыла себе рот ладошкой. Не хватало ещё привлечь чьё-то внимание своим хихиканьем.

– Ну что ж... – с вызовом тихонько пробурчала Лина себе

под нос, – посмотрим, кто кого переупрямит!

Уже привычной тропкой Эйлин направилась к реке. Сегодня она не стала молчать.

– Потешаетесь надо мной, да? – хмыкнула она, упершись одной рукой в бок, а в другой сжимая очередной букет. – Очень смешно! Или, может быть, я в прошлый раз недостаточно громко кричала? Мне не нужны ваши подарки! И не смейте их больше приносить! Хоть бы цветочки пожалели... – буркнула она в конце своей огненной речи.

Охалка стеблей с лазурной шапочкой из нежных лепестков снова плюхнулась в реку и унеслась вниз по течению.

Днём Эйлин хватало забот да хлопот и в доме, и в огороде, и во дворе. А теперь ещё нужно было помогать Море с подготовкой к свадьбе. Её решили устроить после Лугнасада, как и хотел Эхри. А это уже через дюжину дней. Не так много, если разобраться...

Да и помощниц из женщин у Авонморы особо не было. Только вот младшая сестра. Да ещё соседка, старушка Шелта – та хоть советом помогала.

Родная бабушка Моры, мать Дервлы, к внучке всегда относилась прохладно, будто та ей и не родня. А вторая бабушка, мать Джерарда, давно умерла.

К матери Эхри за помощью Мора обращаться стыдилась. Когда Эхри пришёл к родителям вместе с невестой, дабы соблюсти обычай и от них тоже благословение получить, те приняли её спокойно и даже с улыбкой, но, как сказала сест-

рица, по глазам было видно, что сомнения гложут и отца, и, особенно, мать жениха.

Эхри уверял, что она напрасно тревожится, что родителям она по душе, привыкнут немного и будут жить все душа в душу. Эйлин не знала, верит ли в это Мора, но, когда Эхри склонялся к ней и что-то тихонько шептал на ухо, старшая точно обо всех тревогах забывала. А потому Лина нисколько не сомневалась, что свадьба у старшей сестрицы будет чудесная, а жизнь с Эхри и того лучше. А пока они всю к той свадьбе готовились.

Надоедать будущим родственникам по пустякам скромница Мора не хотела. Сказала, мол, сами справимся. И Эйлин в этом не сомневалась.

Во всей это предпраздничной кутерьме как-то забылось всё то, жуткое, с чего и начались эти разговоры о свадьбе. Отец сперва решил, что нельзя уезжать, пока Мору замуж не отдали. А потом и вовсе перестал про отъезд говорить.

Конечно, прошло всего два дня, и вполне возможно, что после свадьбы папа снова про это вспомнит. Но Эйлин надеялась, что ещё через две недели мысли о бегстве его покинут окончательно. Лишь бы только за это время *эти*, из Леса, не дали ему ещё один повод засобираиться в дорогу.

Вот, к примеру, эти колдовские цветы... Это, конечно, не след от когтей, но если отец увидит в руках у Лины сидские незабудки... Пожалуй, он и свадьбы Мору не дожждётся.

На третье утро Эйлин, направляясь к своему окну, уже

привычно издали высматривала небесно-голубое чудо. Но цветов на месте не оказалось. Эйлин удивилась, тут же расстроилась, и тотчас себя обругала мысленно. Вот же глупость – сама вчера требовала, чтобы никаких больше цветов, а теперь расстроилась до слёз, что их не обнаружила. Может, завалились куда-то?

Эйлин оглядела всё хорошенько, даже сунула нос в пушистый куст ромашек.

И тут позади раздался удивлённый голос отца:

– Эйлин... Ты чего там потеряла?

Лина подскочила и развернулась проворно.

– Я... Ничего... Смотрю... прополоть может...

– Что прополоть? – удивлённо нахмурился отец. – Ромашки?

– Ну... да... зачем нам тут сорная трава... – нелепо протянула Лина, пожав плечиками.

– В огород лучше ступай, а тут брось эти глупости! – усмехнулся тот.

– Хорошо, папочка! – Эйлин послушно кивнула и взялась открывать ставни.

Отец ещё потоптался немного рядом, потом ушёл в сарай. А Эйлин уже намерилась шагать в огород – раз уж пообещала, надо теперь прополкой заняться, но тут взгляд её выхватил что-то необычное...

Лина оглянулась и застыла – на подоконнике снова лежали незабудки. Ещё мгновение назад их не было, и вот! От-

куда они взялись?

Эйлин с ужасом подумала, что их вполне мог обнаружить отец, появившись они здесь немногим раньше. И тотчас изумлённо распахнула глаза, сообразив, что, должно быть, как раз из-за отца цветы сегодня появились только сейчас, когда он уже ушёл и не мог их увидеть.

С этим нужно было что-то делать... Срочно! Пока эти шалости фейри не закончились тем, что её увезут из дома.

Эйлин прижала к груди незабудки и бросилась прочь от дома – не в огород, а в Лес.

Сегодня, оказавшись на берегу Даглы, она не кричала, не фыркала и не пыталась ругаться. Всё это уже было, и совсем не помогло.

Так, может быть, стоит просто договориться по-хорошему.

Она на миг застыла, всматриваясь в безмолвный сумрачный Лес, и только потом заговорила.

– Я принесла ваши цветы обратно. Они очень красивые... Мне нравятся. Но, пожалуйста... не надо их больше приносить! Я очень прошу! Сегодня их едва не увидел отец... А он и так за меня тревожиться после того... ну... когда появился тот след, на моём окне. Не надо его пугать!

Она ещё хотела сказать, что если *они* не оставят её в покое, то отец непременно увезёт дочь из Нокдагли, а она очень хочет остаться здесь... Но Эйлин вовремя прикусила себе язык.

Наверное, не стоит об этом говорить сидам. Вдруг они разозлятся на отца, и нарушат свой договор, и заберут её раньше срока.

Испугавшись этой мысли, Эйлин больше ничего не стала добавлять, лишь ещё раз сказала, прижав к груди цветы:

– Благодарю! Но больше не надо...

И снова бросила незабудки в реку. На этот раз без злости, скорее, с грустью.

Потом развернулась и медленно пошла прочь.

Но буквально через несколько шагов Эйлин остановилась. Ей почудился какой-то необычный звук – то ли писк, то ли свист. Где-то совсем рядом, в траве...

Эйлин огляделась удивлённо, пытаясь понять, что это такое. Писк повторился.

И Лина торопливо бросилась к старому кряжистому дубу, у корней которого темнела небольшая нора.

Эйлин пробралась сквозь высокие, буйные поросли, намочив подол юбки. Мокрые от росы ноги мгновенно застыли, но сейчас Лина на это не обращала внимание.

Здесь, в тени дерева, травы были реже и ниже, и в глаза бросились тёмные, как вишня, пятна крови, расползшиеся по листьям и земле. Взгляд Эйлин скользнул по этому кровавому следу – он вёл в ту самую нору.

Хотя... норой это сложно было назвать. Вряд ли ямку выкопал какой-то зверь. Скорее небольшую промоину сотво-

рил дождь или весенние ручьи. Но сейчас там, в глубине, явно прятался кто-то живой...

Эйлин заметила какое-то движение, а потом снова услышала уже знакомый жалобный писк.

– Эй! Ты кто? Выходи, не бойся! Я тебя не обижу, – тихо позвала она.

На самом деле, Лина сама боялась... Мало ли, кто там прячется в темноте. Да ещё у самой Границы с Лесом.

Вдруг там притаился кто-то из коварных фейри. Если верить сказкам, эти проказники частенько заманивали людей, как раз играя на их жалости. Впрочем, гораздо чаще – на жадности. А ещё фейри умели влюбить в себя раз и навсегда...

Эйлин снова вспомнила цветы, что каждый день появлялись на её окне. Может, это тоже попытка зачаровать её, заманить в запретный мир Дивного Народа.

От мыслей о цветах и фейри её отвлёк шорох под корнями дуба. В темноте снова кто-то шевельнулся, а потом на свет показалась остренькая буро-рыжая мордочка. Крохотная горошинка носа шевельнулась, смешно задёргались тонкие усики. И тёмные бусинки глаз внимательно уставились на Эйлин.

– Ой! – ахнула она. – Какой ты... Иди ко мне скорее!

Зверёк ещё немного высунулся из своего укрытия, теперь уже Эйлин видела округлые торчащие ушки, длинное тело, смешные лапки с длинными пальчиками.

– Кро-о-о-ха... – нежно протянула Эйлин.

Лина хотела погладить свою находку, но зверёк, недовольно чирикнув, дёрнулся и снова спрятался в темноте.

– Не бойся! Иди ко мне! – снова позвала Эйлин.

Через несколько мгновений, он вернулся. Осмелев, выбрался из норы почти полностью. Оказалось, что это маленький горноста́й. А ещё...

Теперь Эйлин увидела, что его светлое брюшко испачкано кровью, а на спине местами вырвана шерсть, и видны свежие раны.

– Бедненький! – сердце Эйлин сдавило от жалости. – Кто это тебя так? Собака напала? А может этот противный ворон, что вечно за мной следит? Иди ко мне! Я тебя не брошу, мой хороший.

Удивительное дело, но дикий зверёныш, словно понял то, что она говорила – подошёл ближе и смело скользнул в протянутую ладонь. Он весь уместился в её руке, только длинный хвост с чёрным кончиком свешивался вниз.

Эйлин осторожно прижала малыша к груди, ласково гладила его по голове, не касаясь израненной спинки. Она так отчаянно хотела ему помочь, но не представляла, как нужно лечить такого кроху.

Лина и сама не поняла, что произошло дальше, как это желание вдруг переросло в нечто большее, в уверенность, что помочь она всё-таки может...

По всему телу, от пальцев ног до макушки, прокатилась

странная дрожь, стало вдруг так жарко, будто Эйлин подошла слишком близко к очагу, правую ладонь закололо невидимыми иголочками...

Лина вдруг почувствовала, как это намерение помочь из туманного желания превращается в осязаемое живительное тепло, которое сочится с кончиков её пальцев, льётся потоком света. На миг ей даже почудилось, что её ладонь засветилась. Но это уже казалось совсем невероятным.

Теперь Лина несколько раз осторожно, почти не касаясь, провела вдоль всего тельца зверька...

Малыш-горноста́й запищал что-то в ответ на её ласку, закопошился в ладони.

А Эйлин лишь изумлённо хлопала глазками, разглядывая его шкурку – совершенно гладкую, непотрёпанную, без ран и даже без царапин.

– Ой! Это как же? – проронила Лина.

А зверёк вытянул длинную шею, заглядывая ей в лицо непроницаемыми тёмными глазками.

Эйлин, всё ещё изумлённая, повинуясь внезапному порыву души, оглянулась почему-то на Лес.

– Это вы сделали, или я? – спросила она громко, но ей, как обычно, никто не ответил.

Эйлин погладила одним пальчиком горноста́я между ушками.

– Ну и ладно! Пусть молчат... Не очень-то и хотелось. У меня теперь есть, с кем поговорить... Будешь моим другом?

Хочешь, я тебя заберу с собой?

Малыш не возражал. По крайней мере, так показалось Эйлин.

Она поднялась с колен, прижимая его к груди, и побрела к дому, негромко болтая с новым знакомым.

– Сейчас я тебе покажу, где живу... Тебе у нас понравится. Надо тебе имя придумать... Без имени как-то плохо... Вот я – Эйлин! А ты будешь... Флинн! Хочешь?

Определённо ему нравилось.

– Это что ещё такое? – воскликнул отец, увидев спящего зверька.

Эйлин взяла ненужную дырявую корзинку, застелила старой шалью, и горноста́й с удовольствием забрался в это «гнездышко».

– Это Флинн, – представила Эйлин. – Он – мой друг. Его чья-то собака покусала. И я его забрала домой, ну, пока он поправится.

О том, что раны зверька уже зажили самым чудесным образом, Лина, разумеется, промолчала. К счастью, отец тщательно рассматривать не стал. А доказательством её слов послужили остатки запекшейся крови на шерсти Флинна. Они ещё были заметны, хотя Эйлин и старалась оттереть.

– Лина, ты как придумаешь что-нибудь! – покачал головой отец. – Разве можно горноста́я в дом приносить? Он нам всех куриц подавит. И нам, и соседям...

– Никого он не тронет! – надула губки Эйлин. – Флинн умный. Я ему скажу, что нельзя, и он не будет. Он зато мышей ловить умеет. Уже одну притащил. Это же хорошо, что он будет охотиться на мышей. А то кот наш уже такой старенький, что ему лень. Правда же, Пушин?

Кот приподнял на миг голову, щуря огромные жёлтые глаза, моргнул согласно и снова свернулся клубочком.

Наверное, ему, как и папе, не нравилось новое соседство, но Эйлин сразу погрозила коту пальчиком и велела не трогать нового жильца, и Пушину осталось только смириться.

– Эйлин, – расхохотался отец, – ты, вправду, думаешь, что они тебя понимают? С котом поговорила, с горностаем договорила... Какая же ты у меня ещё маленькая!

– Я уже взрослая, – обиженно бросила Лина. – Если они вам всем не отвечают, это ещё не значит, что ничего не понимают. Может, просто им с людьми разговаривать не хочется...

– Ладно, – примирительно махнул рукой отец, – как скажешь! Но твоему Флинну в доме точно нечего делать. Вдруг он укусит кого-то...

– Папа, ну-у-у, пожалуйста! Никого он не укусит, он хороший.

Эйлин постаралась сделать очень жалостливое лицо, но в этот раз отец был строг и уступать не желал.

– Лина, хватит! Это дикий зверь... Он должен жить в лесу.

Ему не место среди людей!

– Как и мне! – вдруг бросила Эйлин дерзко и тотчас прикусила язычок.

– Что ты такое говоришь, Эйлин? – отец с лица сменился, помрачнел.

Лине стало очень стыдно за свои слова, но, с другой стороны, она всё ещё злилась на папу из-за Флинна. А, может быть, дело было вовсе не в зверьке...

Просто всё то, что она держала в себе столько лет, вдруг вырвалось наружу в такой неподходящий миг. Лине бы извиниться и промолчать, но её будто кто-то за язык тянул.

– Разве это не правда? Ты говоришь, Флинн из леса, ему тут не место... Так ведь я тоже из *Леса*! Вся деревня злословит, что моя мама была сидской ведьмой. Значит, и я такая же.

– Ты – моя дочь, Эйлин, – устало вздохнул Джерард.

И Эйлин вдруг стало так жаль отца – захотелось подойти, обнять. Но вопросы требовали ответов. И она сдержалась, давая ему договорить.

– В тебе моя кровь. Ты такой же человек, как я, Мора... и любой в Нокдагли. Не стоит слушать все эти глупости!

– Глупости... – эхом повторила Эйлин. – Значит, они врут? Все они врут, так? Моя мама была не из Дивного Народа? Она – человек? Но ведь я помню, что видела её там, в Лесу. Я раньше думала, что мне это просто приснилось...

Но теперь я так уже не думаю. Выходит, всё было на самом деле? Раз ты боишься, что меня отберут сиды... Значит, у них на это есть право?

– Нет у них никаких прав! – глаза отца сверкнули яростно. – Ты – моя дочь, и я тебя никому не отдам. Обойдутся! Это они решили, что вправе твоей судьбой распоряжаться. А я своего согласия не давал. Лиа меня об этом не спрашивала!

– Так это мама разрешила сидам меня забрать? – нахмурилась Лиа, чувствуя, как на глаза наворачиваются непрошенные слёзы.

– Нет... – мотнул головой отец. – То есть... Я не знаю, Лиа! Зачем ты затеяла этот разговор! Я не знаю, что тебе отвечать!

– Правду... – тихонько вздохнула она.

– Думаю, Лиа просто хотела... чтобы ты жила с ней, – пряча взгляд, наконец произнёс отец. – Вот и всё. Ничего дурного тебе она не желала. Но... она просто не понимает! Тебе туда нельзя! Ты ведь... обычный ребёнок... Ты просто девочка, ты моя Эйлин. Зачем тебе этот проклятый Лес?

«Да уж, самый обычный!» – усмехнулась Эйлин в мыслях, припомнив, что сделала сегодня, когда нашла раненого Флинна. Но об этом папе точно лучше не говорить!

– А маме... маме зачем этот Лес? – не отступала Эйлин. – Зачем она ушла туда? Выходит, ей там лучше? Значит, она совсем нас не любила. Ни тебя, ни меня, ни Мору.

– Ну что ты такое говоришь, дочка? – ещё тяжелее вздох-

нул отец. – Конечно она любила! Она очень тебя любила.

– Если бы любила, не бросила бы нас тут... – проворчала Эйлин, потом внимательно пригляделась к отцу. – Ты её чем-то обидел, да?

– Нет, что ты! Нет... – ответил он слишком поспешно. – Я никогда не был с ней груб.

В это Эйлин охотно верила, но всё-таки ясно видела – отец что-то недоговаривает.

– И всё-таки ты её обидел... – твёрдо заявила она.

– Нет, всё было не так! – мотнул головой Джерард. – Я... просто... Я просто любил её слишком сильно, слишком сильно! И... да, я сделал одну большую глупость! Если бы я знал, чем всё это обернётся... Но я думал, нужно просто немного подождать, и всё забудется, и мы будем жить все вместе, долго и счастливо, как в сказках. Но за всё нужно платить, моя милая! За подлость, которую совершил, я заплатил тем, что всё равно потерял её. А теперь вот... и тебя потерять могу...

– Папа... – Эйлин всё-таки подошла и, забравшись к отцу на колени, обвила руками. – Ты меня не пугай так! Ты про что это? Какая подлость, какая глупость? Что ты такое натворил?

Несколько долгих мгновений он смотрел ей в глаза, словно размышляя, потом тряхнул головой:

– Нет, солнышко, нет! Я не могу тебе это рассказать, не могу... Просто запомни – держись подальше от ведьм и не

верь ни одному их слову!

16 Крылатый недруг

Эйлин

А Эхри в самом деле оказался славным.

День свадьбы стремительно приближался. И он теперь был частым гостем в их доме.

Заходил вечером повидаться с Морой – сидел с ними за одним столом, обсуждал дела с отцом, смешил Эйлин и не сводил влюблённых глаз со старшей.

Частенько, на правах жениха, Эхри приглашал Авонмору пройтись. Поскольку гуляли они по деревне, у всех на виду, а не прятались где-то в укромном местечке, отец не видел в этом ничего зазорного.

Эхри нередко помогал Море и отцу с разными хлопотами по хозяйству, пусть и не был ещё по-настоящему мужем сестрицы. Эйлин видела, что это Джерарду особенно по душе.

А сама Мора время от времени, когда стряпала что-то вкусненькое, отделяла и на долю жениха, а потом просила Лину сбегать к нему домой или в поле – отнести гостинцы с пылу с жару. Эйлин такие поручения были только в радость – видеть довольное лицо Эхри ей нравилось. А ещё больше нравилось пересказывать потом Море, как тот расхваливал её пироги или печенье и едва не проглотил язык от удовольствия.

Но, кроме искренней симпатии к Эхри, была в этой дружбе с женихом сестры и тайная корысть. Корысть совсем маленькая, смешная и детская, но Эйлин держала её в тайне. И очень надеялась, что Эхри тоже не выдаст их общий секрет.

А секретом тем, конечно же, был Ветер.

Эйлин не смогла дожидаться свадьбы – великолепный же-ребец манил её слишком непреодолимо. Каждый раз, увидев это чудо, Эйлин замирала, с восхищением разглядывая лоснящуюся на солнце шкуру, тёмную, длинную, блестящую гриву, умнейшие глаза, литые мышцы.

Сперва она набралась смелости погладить этого красавца.

Ветру она, кажется, тоже понравилась – может быть, всё дело было в сочном яблоке, которое Эйлин заранее прихватила с собой. Но Лина всё-таки надеялась, что дело вовсе не в угощении.

Итак, подружившись с самим Ветром, Эйлин призвала на помощь всю свою дерзость и взялась за вторую часть своего коварного замысла – теперь ей нужно было очаровать самого Эхри.

К чести последнего, два дня он стойко продержался.

Нет, Эхри вовсе не был жадиной, но на робкую просьбу Эйлин позволить ей прокатиться ответил, возмущённо вскинув тёмные брови:

– Ты что, мелкая, смерти моей хочешь?! А если ты с седла вылетишь и коленки расшибёшь? Если ударишься... Я как потом с Морой объясняться буду? А Джерард на это что ска-

жет? Хорош жених и хозяин, если за дитём не досмотрел.
Нет уж, всякие глупости – это без меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.